

Nr. 1 21.06.1914

Дорогая Елена,

Только что прочел твое письмо и полюбовался твоей группой в прославленном Гамбургском парке: непременно составлю о сем заметку для “Аполлона“. Пришли фотографию – можно даже снимок. Я сам очень досаую на то, что не удалось заглянуть в Гамбург, поглядеть на твое житие – бытие. Но это еще исправимо, т.к. судя по тону твоего письма, ты на лето никуда уезжать не собираешься, а я должен быть в Лейпциге еще раз на присуждении награды – в августе тогда непременно заеду.

Устроенный мною отдел на выставке безусловно удался, и в сравнении с иностранцами мы скорее более, чем менее интересны, хотя и не можем похвастаться ни силой собственного рисунка (впрочем, теперь понятия о хорошем рисунке так перепутались, что не разберешь!), ни офортной техникой. Зато взяли красочностью. По общему мнению у иностранцев (не говорю уже о немцах!) <*> ни Остроумовских деревяшек, ни гравюры Фамелеева. Произведение первое приобретенное Городским музеем. Кстати, ты оказалась не права, в разъяснении того, что называют немцы “Zeitgenössische Graphik“. Оказалось, что – гравюру, офорт, рисунок с натуры и т.д., но не книжную иллюстрацию, не Buchschmuck, не акварельную стилизацию, словом совсем наоборот, чем ты там уверенно мне объясняла.* Поэтому все, относящиеся к книжной иллюстрации пришлось перенести в Русский Павильон, где я устроил отдельную и еще вполне удавшуюся комнату. Но твоих “Рабле“ все же я повесил в международном павильоне, на том основании, что это рисунки для Holzschnitta, вместе с другой “Контрабандой“.** Твои иллюстрации были отмечены многими газетами, очень похвалила “Речь“. <*> вырезки я спешу тебе доставить осенью, т.к. этим делом занят на выставке один человек. В Новгород я действительно еду, ибо предпринял большое фундаментальное издание под заглавием “Господин Великий Новгород“.

Целую тебя – присылай фотографии.

Твой Сергей.

*Твоя пословица в отделе Buchgewerbe.

**Пришлю кстати на днях.

№. 2

4.03.1927

Дорогая Елена,

Часто вспоминал я тебя последние дни (всегда вспоминаю, но тут особенно). Во-первых, прочел в газетах фамилию сестрину рядом с митрополитом Евгоний, по поводу службы в Гамбургской церкви: оказывается, вот какое искусство ты нынче “культивируешь” – хормейстерша! Во-вторых, писал я фельетон о Брандесе и Соловьеве у “Рауха”, (который посылаю) и, конечно, все время тебя видим рядом с фигурами этих старцев. Кто еще умер из тогдашних? Зоя, Тихонов ... остальные, кажется живы. Писал и не мог даже точно года припомнить, когда это было. Написал: тридцать лет назад. Не больше ли? Очень бы хотелось наверное знать. Кажется, не в 1896 ли году, т.е. тому тридцать один год, а не тридцать? У тебя память такая богатейшая. Напиши! Вообще прочти и сообщи, не наврал ли я ненароком, не пропустил ли чего существенного. Если когда-нибудь буду печатать свои воспоминания – воспользуюсь. Думаю вообще, что об этом отдаленном времени (Господи! Жизнь то промчалась!) ты могла бы многое припомнить интересное об интересных: о Репине, который не сегодня – завтра богу душу отдаст, о первых шагах Коненкова, Малявина так прославившихся с тех пор, о старой Академии, да мало ли еще что! В свободную минуту нацарапай и пришли мне. Пусть это будет повод для давно оборвавшейся, “смычки“, как говорят большевики. Хорошо? Как живешь? Ну, раз поется хоть и в церкви, значит еще не так плохо. А дети твои?

Не собираешься ли на коротке в Париж? Прислал бы я тебе на дорогу, ежели бы не был гол, как сокол. Плохи мои денежные обстоятельства, ой, плохи... На душе – как сказать? Сейчас очень занято. Много читаю и пишу. Это отвлекает от всех душевных недоразумений. Фактически же, не хочу Бога гневить. Держусь! Сегодня еще заявил мне один мало знакомый сотрудник “Возрождения“, что он думал мне никак не больше 35 лет. Вероятно потому что борода еще не седая – темненькая. Кстати, не хочу жаловаться, что живу, как птица небесная на жердочке, и временами очень тоскую по детям. Так и не удалось семьи устроить, а старость придет, а ведь придет, ведьма, – одиноко будет. Разве разбогатею и как-нибудь осяду оседло, да еще хозяйку

заведу ... для воспитания мальчиков моих. Но это мечты грешные. Деньги меня не любят. Да и я не люблю их... Живу я в одной комнатухе в паршивеньком отеле, приткнуться негде. Впрочем, и заменять всего этого неблагоустройства некогда. Работаю, остальное время – друзья. Здесь их много, и старинных. Многие уцелели из моих сверстников и ко мне очень милы. Вот и вчера обедал я со старым университетским приятелем, профессором Д. Гардиером. Такой же остался – душа на распашку белобрысый руссак, даром что был американским подданным. Тебя помнит, очень просил написать привет ...

С Владимиром вижусь не слишком часто. Очень милый, но боже, ... средний, духа Гопод не разбудил в нем, а супруга его вся в тряпках и франках. Скучно мне с ним, не говоря уже о “третьем начале“ Соколове, невменяемый пошляк. Целую тебя и буду ждать ответа скорого. Не собирайся, бери бумажку и пиши сейчас же.

Твой Сергей

P.S. Мама хворает печенью, но живет себе выручает с сыновьями. Спасибо ей!

№ 3 21.07.1941

Дорогая моя Еленушка!

Невероятно давно не имел я от тебя непосредственно вестей. Пробовал писать тебе и в прошлом году из Швейцарии, и нынче из Парижа, но так и не дождался ответа, а узнавал лишь от мамы от времени до времени, что ты благополучна. Но вот уже около полугода, что и мама в своих открытках из Ниццы ничего о тебе не пишет. Пользуюсь немецкой “оказией“, чтобы переслать тебе несколько слов, написанных в последнюю минуту. Главным образом, чтобы узнать что же с тобой и твоими сыновьями делается в последнее время! Ответь же открыткой по французски (скорее доходит) куда я могу писать к тебе и куда послать только что вышедшую из печати мою новую книжку стихов. Сейчас я подумываю о книжке воспоминаний, и тут ты во многом могла бы пригодиться мне: память у тебя лучше моей! Живу я сейчас с Иваном в меблированной квартире: 9, rue Vossadur, рядом с

Champs-Élysées. Он попрежнему с утра до ночи занят у клягина, но всетаки так я чувствую себя куда менее одиноким. Да и здоровье мое гораздо лучше, а то зимою совсем, было, приготовился на тот свет. Правда – нервы при многом, очень сложна стала жизнь, не столько материально, сколько душевно. Слишком много всего навалилось на нас... А дальше?..

Если можешь переслать с okazji, напиши мне длинное письмо с твоими “впечатлениями“. Боюсь, что недостатка в них не будет теперь на долгие годы еще.

Мама, судя по последним известиям, чувствует себя неплохо. Было бы еще лучше, конечно, если бы она не скупилась на себя тратить. Марина с Люсей все еще в Antibes, живут рядом с Владимиром, но кажется в ссоре с ним (по обыкновению моей супруги, хорошо тебе известной). Моим Иваном я доволен сейчас. Он честный и добрый, хоть и не блещет способностями. Сергея я мечтаю переправить к себе, в Париж, из Louvain, где он застрял (88, av. des Alliés, Louvain) и живет, давая уроки студентам.

А ты разве не могла бы, в качестве германской подданной приехать хоть на недельку в Париж? Я бы взял на себя (j'en ai les possibilités, будь спокойна!) все расходы. Тебе нужно только достать разрешение под тем или иным предлогом. Если ты не сможешь, я достану. Только отвечай поскорее, и лучше на двух открытках. Какая-нибудь из них дойдет.

Целую тебя, Елена, и очень часто думаю о тебе и беспокоюсь за твою участь.

Твой брат Сергей Маковский

№. 5 18/19.02.1948

Дорогой Владимир!

Не думай, что я забыл о сестре Елене и ничего не делал все это время, чтобы помочь ей достать визу. Но, каюсь, делал все весьма опрометчиво, не разузнав хорошенько куда и как надо обращаться: понадеялся на обещания добрых друзей со связями, которые повидимому своих обещаний не исполнили, раз бедной Елене все еще визы не выдали. Ошибка заключалась в том, что нельзя хлопотать и обращаться с просьбами, не имея в руках некоторых точных сведений... Об этом мне сказали всего неделю назад, никто до сих пор, ни ты, ни Иван, вообще никто не надоумел меня, и лишь неделю назад Сергей, у которого тоже есть связи в М-ве Иностранных Дел, сказал мне как “само собой разумеющееся“, что для хлопот об ускорения визы нужно знать:

- 1) Куда, точно, Елена подавала свою просьбу?
- 2) Текст этой просьбы и время подачи.
- 3) Номер, за которым она числится в учреждении, куда была просьба обращена и
- 4) от какого учреждения в Париже (по правилам, существующим в Гамбурге, т. е. в зонеанглийской оккупации) зависит разрешение на визу, точнее – от какого отдела М-во Иностр. Дел или Воен. Мин-ва, или еще другого?

Елене следует подробно написать обо всем этом, справившись у властей в Гамбурге и, главное, сообщить №. поданной ею бумаги и дату. Без этого ничего нельзя предпринять. Здесь, в Париже, сейчас какой-то сумашедший дом, никто ничего толком не знает. Через знакомство всего можно добиться, но необходимо точно знать на кого нажать в каком учреждении. Обо всем этом тогда же я написал Елене письмо, но ответа до сих пор не получил. Если будешь писать, повтори ей еще раз для верности. Заказных писем в Германию не принимают, мое письмо могло и затеряться, впрочем письма идут обыкновенно около недели, следовательно – ответ еще не мог прийти.

Спасибо за милый отзыв о моей книжки. Здесь, в литературных кругах, меня похваляют, но напечатанных отзывов пока нет. В голове у меня много писательских проектов, но жизнь стала невыносимо трудна. Хотелось

бы писать, а приходится думать о хлебе насущном – пока не отдашь богу душу от какой-нибудь хвори. Недомогаю все чаще, все же 71-ый год. *Cela compte!* <*>

Твой любящий брат Сергей Маковский

№. 6 26.11.1949

Дорогая моя Елена!

Получил твое письмо и рукопись здесь, в Ницце, где я нахожусь уже больше трех недель около мамы. Вызвал меня спешно Владимир, в его телеграмме было даже “extra grave“. В тот же день я сел в поезд, и застал маму действительно в состоянии плачевном: не было силы даже привстать на постели, едва слова выговаривала, все забывала и путала. Такое было впечатление, что вот осталось жизни на неделю. даже на мой неожиданный приезд почти не “реагировала“. Кругом суетилось много старух, Владимир и его жена с ног сбились, доктор только головой покачивал и требовал постоянного надзора и днем , и ночью, накачивал больную камфорой, т.к. пульс понижался до 40 ударов в минуту. Но, представь, с каждым днем после моего приезда ей становилось лучше, сердце постепенно вошло в норму, появился аппетит. Вчера в первый раз я выводил её на чистый воздух, полчаса гуляли, благо был совсем по весеннему солнечный день. Доктор, Дмитренко, бывавший ежедневно, сказал мне сегодня: “Выскочила!“. “Но что же это, в конце концов, было?“,– спросил я. Он ответил: “Никакой болезнью наша мама не больна, если не считать болезнью дряхлость.“

А случилось это ослабление сердца от того, что она не хочет считаться со своими годами, бегают по рынку, сама себе готовит (со всеми бывшими *femmes de ménage* переругалась и в течении 18 дней одна справлялась со всем хозяйством) и, конечно, придет день, когда сердце возьмет и совсем остановится, м.б. даже во сне. Без присмотра, во всяком случае, оставлять опасно, Словом, непосредственная опасность миновала, но надолго ли?. Положение очень затруднительно невероятно непокладистым, сварливым, невероятно упорствующим в своих привычках характером мамы и *en plus* –

старческой скупостью все более и более безрассудной. Tu dois t'en rendre compte après ton séjour à Nice. С этим ничего не поделаешь. Мама не хочет считаться (плохо разбирается) с падением франка. Все кажется ей, что её оббирают слуги и норовит сама полы мыть, чтобы незаплатить <*> за лишний час. Я с трудом отыскал старушку, которая согласилась брать по 40 фр. за час. К счастью, она оказалась и симпатичной, и вдобавок превосходной кухаркой. Но мама, как почувствовала себя крепче, уже недовольна ее медлительностью, и я чуть не силой отрываю ее от никому не нужных физических усилий. Нелегкая моя роль, милая сестра! Владимир, конечно затаился в Antibes (правда, у него жена нездорова, да и средств на проезд в Ниццу и обратно не хватает). Не знаю еще, когда смогу вернуться в Париж. Очень жаль мою старушку с ее нескончаемыми жалобами на всех и на вся, с желанием опять вернуться к прежнему образу жизни... Но чудес не бывает, и на 92 году жизни одно остается – смирение. А его–то и нет! Сын мой Иван только на днях должен был вернуться из Нью–Йорка, туда ездил по делам своего патрона. Жду от него “подкрепления“, иначе не расплатиться с гостиницей. По здоровью мы в порядке, и если бы не хлопоты с мамой, я чувствовал бы себя бодрее, чем год назад. Продолжаю писать и воспоминания свои литературные и стихи. Как это ни странно, Муза моя именно теперь почему–то начинает вызывать довольно единодушное признание. Ряд статей о моих сборниках (в американских газетах по преимуществу), признаюсь, вознаградили меня за долгие годы равнодушия со стороны критики. Как–нибудь, из Парижа пошлю тебе несколько вырезок. Но еще приятнее статей (не слишком пронизательных, хоть и лестных) – отзвуки совершенно мне незнакомых читателей и из Америки и из ... Германии (вероятно Д.Р.), иногда даже в форме посвящаемых мне стихотворений. Ты знаешь, что я не страдаю никаким тщеславием, но все–таки иногда нужно знать, что ты кому–то на свете нужен, что строфы твои вызывают ответные чувства.

Твои мемуарные страницы я прочел с увлечением. В них много ценного. Образно и сердечно. Конечно, в таком виде нельзя было–бы печатать, но как только подвернется случай – подыщу, пошлю тебе обратно на твое усмотрение и напечатаем. Может быть скоро будет выходить в Париже новый журнал. Старые – безнадежны. Продолжай в том же духе! <*>

Целую крепко, пиши теперь сюда Hotel Cote d'Azur. Если уеду – письмо перешлют. Но боюсь, что еще с месяц останусь в Ницце, хоть это во всех отношениях мне неудобно и тягостно.

Твой любимый Сергей.

№ 7 22.02.1950

Дорогая Елена!

Что давно не пишешь? Я с большим увлечением прочел последние главы твоей “Мнемозины?”* и написал тебе об этом, но ты так и не ответила. Но все ли я получил? Нумерация страниц (общая) у тебя не ясная. В последних листах – “Верба хлест, бьет до слез!” обозначено стр. 51, а перед им “Пасха” (рукописная) обрывается на 24 стр.. Другие пачки (на машинке) начинаются все с первой страницы. Боюсь, не затерялось ли что на почте. Кстати, получила ли ты извещение о том, что мой “Шаляпин” без моего ведома напечатан уже в американской газете “Новое русское слово”. Хотел “услужить” мне один парижский приятель, но я не хочу вводить в заблуждение редакцию “Граней” – пошлю им что-нибудь другое. Сообщю. Как здоровье твое? Сердце? Я тоже что-то стареть начинаю... Пополнел на беду и задыхаться начал. Вообще невесело все... Утешаюсь только стихами. Получила ли ты эквивалент 1000 франков за переписку моего сборника? Нежно целую. Пиши. Твой Сергей

№ 9 16 август 1950

Дорогая моя Елена,

Прочел твою приписку ко мне в письме к маме и порадовался твоим успехам. Рецензия очень хороша, и от всего сердца желаю, чтобы напечатанный отзыв помог тебе по-больше продавать своих вещей.

Здесь, в Ницце, живется мне очень покойно и “комфортабельно”, после Парижа, где волей-неволей приходится “вариться в соку” Elkanе 8 С°. По-прежнему и она, и, в особенности, старушка = мать очень внимательны ко

мне, по родственному заботливы, да все-таки – чужие они и, как не стыдно признаться, порядочно раздражает меня все их еврейское окружение... Тут наслаждаюсь полным одиночеством, когда не у мамы, в горах, в избушке на курьих ножках графини Грабовской. Езжу через день, через два. Мама, на мой взгляд, чувствует себя значительно добрее, а главное – уравновешеннее нервами, чем год и полгода назад. Только теперь, на 93-м году, начинает примиряться с глубокой старостью. Вся ее раздражительность прежняя происходила, главным образом, от желания приравнить себя к молодым или “более молодым“. Сколько останусь здесь, еще не знаю. Это будет зависеть от сына Ивана и его денежных возможностей. Надеюсь, во всяком случае, дописать здесь статью о Стеллецком. Пошлю немедленно (четко переписанной от руки) тебе в Гамбург, а ты уж распорядись, как знаешь. За гонораром не гонись. “Нов.Рус.Слово“ никому не платит больше 5\$ (1.750) за целую газетную страницу (как мой “Шаляпин“ или недавно “Осип Мандельштам“ и наконец “Соловьев и Брандес“ – то, что я при тебе читал на rue de Tilsitt.

Ты увидишь, статья моя – подробная, основательная,– можно и подсократить, если

редакция пожелает. Сейчас у меня времени достаточно.

С удовольствием почитал бы и продолжение твоих “Воспоминаний...“ Ничего неизвестно: может случиться, если не грянет мировая катастрофа, то удастся и напечатать, сократив конечно, – но эти сокращения ты уже предоставь мне. Лучше никто не сделает. Опыт полувековой...

Почему твой Петр никак не поблагодарит меня за посланную ему (с надписью) книжку моих стихов? Это не слишком благовоспитанно. Впрочем, подростские поколение (уж о подрастающих и не говорю) все таковы.

Нежно целую тебя. Не ленись мне писать. Все таки я, вероятно, лучше пойму твои “тренирования“ – и художественные, и житейские – чем другие твои ближние.

Любящий брат Сергей.

№. 19 24. Февраля 1951

Дорогая моя Елена,

только что прочел твое письмо от 9 Февраля (долго идут письма из Гамбурга!) и очень благодарен тебе за все, что ты так ласково мне пишешь... Не получаю от меня лично долго вестей, никогда не думала, что я хоть сколько нибудь меньше тебя помню и люблю. Думаю, что никого на свете и не считаю я ближе тебя к себе... Это как-то особенно почувствовал я в последние два месяца, когда серьезно принялся за большую статью – по воспоминаниям – об отце (наконец – то!). Статья уже почти готова, но еще ...? И прошлую поездку мою к маме в Ниццу я упорно “пытал” ее много записать (фактического) с ее слов. Весьма пригодилась мне и твоя “Мнемозина“, особенно – подробный, хотя и вполне беспорядочный (в смысле хронологическом) список работ отца. Откуда взяла ты все это длинное перечисление его холстов? Об отце мы оба помним приблизительно то же самое, хоть и разноцениваем его искусство. Но, во всяком случае, я отдаю должное его огромному дарованию, к ...? возродившемуся к концу жизни (вернее – начиная с 80-х годов) под влиянием ужасающей “светской среды“, в которой он вращался, угождая лишенным подлинного вкуса заказчикам. А погубил его окончательно плохо понятый “Париж“, с эф..? на литературные темы (“Ромео и Жюльета, “Король Лир“ и пр.) с беспечными ..? головками и голенькими моделями, которыми от сластолюбия увлекался (панно в доме Дервиля!) и прочие “...?“ , с портретами “писаных красавиц” напыщенных виртуозной кистью... Но не в этом дело. И, конечно, говорю я все это так резко только для тебя! “Для потомства“ пишу, взвешивая слова и очень тепло вспоминая незаурядно – обаятельную личность Константина Маковского и /..?/ его творческий диапазон. Попутно пришлось многое рассказать и о семейном нашем прошлом, и о Маковских в Москве и о брачной жизни отца с первой женой, Еленой Тимофеевной, и с мамой до семейного разрыва в 93 году, когда я встретился с отцом в последний раз (после года лица в Петербурге). Хотелось дать почувствовать уже забытую теперь атмосферу прошлого, девятнадцатого века в течении трех и даже четырех царствований, от Николая Павловича до несчастного Николая II.

Излагая свои воспоминания и художественные оценки, я избегал всякой лирики, воскрешения личных детских переживаний, и потому моя статья отнюдь не “оправдывает” твою тему, твоих девичьих воспоминаний художницы /..?/ и могут быть напечатаны когда-нибудь, как воспоминания к моим биографическим, отчасти, заметки... Но вот что: может быть, – в ожидании появления в свет твоей “Мнемозины” (...? , да и требует тщательной литературной обработки), – в нескольких местах ...? ты разрешишь мне процитировать тебя твою прозу, в качестве “неизданных записок сестры Елены“. Напр. замечательно удавшиеся тебе описание цыган в ...? петербургских вербных и пасхальных дней. Это оживляет мой несколько суховатый текст и соединит наши воспоминания о канувшей в лета России. Ответ поскорее, и предоставь мне выбор: всего страниц пять–шесть печатных.

Главы из моих литературных портретов появились в “Нов.русском слове“ в следующих номерах газеты: 6 августа 1950, (Воскресенье Ил.Соловьев), 19 февраля и 20–го (Воскресенье) того же 1950 г. (Шаляпин), 23 июля 1950г. (Воскресенье) – Осип Мандельштам, ..? – “Герубина ..?Табриан“, 26 ноября 1950 (Воскресенье.) Скоро, вероятно, пойдет в одно из Воскресений и “Александр Добролюбов“

Вот пока все, что сообщаю тебе. Очень много дел. Спешу опустить письмо в ящик. Буду писать о семейных делах в другой раз. Все благополучно. И мое здоровье поправилось, не смотря на ужасную зиму и в Париже.

Твой нежно любящий Сергей

P.S. На будущей неделе пошлю тебе моего ...?

№. 11 5. Апреля 1951

Дорогая Елена,

Спасибо за быстрый ответ на мой вопрос о помещении в моем очерке об отце нескольких цитат из твоей “Мнемозина”). К сожалению, удалось включить немного страниц,— слишком по иному, лично и ..?, подходишь ты (хоть местами и на редкость талантливо) к образу отца, вернее – к воспоминаниям об ..?, когда он был с нами, в семье. Я же стараюсь излагать все как можно объективнее и даю ..? и критическую оценку его искусству, отдавая должное его дарованию. Тем ярче получились вкрапленные в мой текст твои описания: 1) “Талатем?“, “Зимней прогулки по набережной (без “Самоедов..?” – прелестно, но слишком далеко от моей ...?, Адмиралтейство с Тигром“, “Ледохода“. Вот и все. Это – как бы фон для нашей, описываемой мною жизни на Адмиралтейской набережной. Пользуюсь случаем, чтобы предупредить тебя чтобы ты остального не печатала (до 1893 года во всяком случае), предварительно не сверив с моим текстом. Написал я со слов мамы, во время моих пребываний в Ницце, проверенных у нескольких старожилов Петербурга, прекрасно помнящих старый Петербург 80–90 годов. Думаю, что у меня ошибок нет. У тебя попадаются неточности, также и относительно прародителей. Напр., Павел Степан. Летвов не был “полным генералом“, а всего действительнее стилистским советником. Я все тщательно проверил. Труд был не малый. Сейчас отдаю в переписку на машинке, и тогда пошлю тебе, а ты поторопись прочесть и отослать обратно с твоими, при случае, замечаниями (карандашом на обратных страницах). Это будет лишней проверкой. Я берусь еще напечатать уже только от тебя, за твоей подпискою, в новом журнале, выходящем в Сан–Франциско, “Дело“,— другие отрывки из твоих воспоминаний. Тут может быть пошли бы и твоя “Верба“, “Пасха“ и заграничные впечатления о жизни в Мюнхене, Вене и т.д., которых у меня все еще нет. Кстати, напиши твоему Андрею, чтобы он на это “Дело“ подписался: “Delo Publishing Co. 1520 Divisadero Street, San–Francisco 15, California USA. Во 2 N имеются мои стихи и очень неплохие рассказы мало известных авторов из D.P. Мою же книгу, изданную “Рифмой“ и еще не выпущенную в продажу, пошлю тебе на будущей неделе.

Мама в восторге от писем твоих сыновей. Чувствует себя не так плохо, но весна в Ницце отчаянная. Собирается на побывку в Париж, по приглашению Ивана. Этот процветает но не слишком чувствует себя хорошо. На 35 году ослабевать стал... от непутевой жизни. Зато Сергей, ...?, не жалуется. Люся собирается, наконец, выйти замуж за своего Антуана? К утру. Вижу их всех довольно редко, хотя отношения установились отличные. Иван целиком заботится о моем прожитии, что дает мне возможность сидеть дома и писать. ...? на 74 году. Чувствую себя бодро, хотя и устаю от “творческих“ усилий. Мои хозяйки по прежнему тревожно милы со мной, никогда уютнее не жилось и ..?, при полной независимости. Марина ...? кстати, постоянно вспоминает тебя и давно уже передала мне ...? письмо, которое я – каюсь! – забыл вложить в прошлый раз(или даже позапрошлый) в адресованный тебе конверт. Но не говори, что я так небрежно обошелся с ее конвертом, обидится.

Если не удастся поместить ..? очерк об отце,– вышлю больше ста страниц на ..? “Новом Журнале“,– то буду просить тебя, если представится случай, передать эту мою рукопись в “Трани“. Она ...? чем

“Стеллецкий“ (все еще недописанный). Но, конечно хотелось ?бы в “Новом Журнале“, где и гонорар платят. Узнаю через три недели приблизительно.

Целую тебя нежно, сестра милая, не забывай, не ленись отвечать.

Твой любимый Сергей

*Вероятно, что первоначально они происходили рядом с Зимним Дворцом (на Дворцовой площади?), а не на Царском лугу? Смутно припоминаю об этих переменах... Ты наверное помнишь? Ответь поскорее.

№. 12 4. Мая 1951

Дорогая моя Еленушка,

Прочел и перечел внимательно твое письмо в ответ на мои вопросы в связи с очерком об отце. Сейчас работа моя верно окончена, но конечно предстоит многое исправить, сократить или дополнить. Не могу сказать, чтобы удовлетворен я был написанным... Трудной оказалась задача. С точки зрения чисто – биографической – совсем хорошо вышло и точно. Но попутно мне хотелось многое сказать и по существу о творчестве отца, отделить достоинства от недостатков, отдать должное очень большому его таланту и, в то же время, не закрывая глаз на то, что снизило его картины в глазах моих современников, несправедливо “заклевавшие” его в последние годы его жизни. И вот тут – обстоятельства очень неблагоприятные для серьезной критики, не удовлетворяющиеся “общими листами” и звонкими фразами по воспоминаниям, иногда и довольно смутным. Следовало бы ...? возможность все (или хоть часть ..? холстов) пересмотреть заново и составить себе представление, независимое от старых и часто устаревших воззрений на живопись... Ничего не поделаешь! Остается только свести к minimum’у анализ отдельных произведений и говорить по-больше о самом человеке и окружавшей его общественной “атмосфере“, чем о тех или иных живописных достоинствах художника. Может быть, так и лучше. Пусть история решит, какое место он занимает в развитии русского искусства.

Насчет первоначального места “балаган“ я еще справлюсь у А. Бенуа, большого ценителя наших отечественных “...?”. Не понимаю, как могли они происходить около Зимнего дворца – не вокруг ..? Александровской колонны! Во всяком случае, мы – то детьми могли их видеть только на Царицыном Лугу и, следовательно, твой рассказ о “Зимнем дворце в натуральную величину“ – не верен. Не был ли это Мраморный Дворец?

Твою отповедь племяннице Агабабовой через кого-нибудь передам ей: не бываю у них, уж очень сам Агабабов мне отвратителен.

Много правды в этой отповеди, но не согласен я решительно с твоей хвалой “Бабушкиным сказкам“, я видел у Агабабовых не так давно эту картину и отметил в ней все недостатки будущего отца: сахарную красоту и ..?, и

живописного мазка, какую-то неприятную сентиментальность прихорошенной природы, что-то напоминающее каразина... Другое дело – эпизод к “Цыганскому табору“, написанному тогда – же приблизительно. Могу судить и о самой серьезной исторической картине отца – о “Смерти Иоанна Грозного“, которую видел года три назад в вилле Девиза в каннах и, конечно, о том, чем мы были с детства окружены в нашей квартире на Адмиралтейской набережной. Не могла бы ты послать мне несколько воспроизведений с картины отца (вырезки из иллюстрированных изданий – не фотографий), особенно с “Балагана“? Все сохраню и верну почтой.

Надеюсь, что это письмо будет переслано тебе, если не застанет тебя в Гамбурге. Напиши о внуках, побывав у Димы, и о нем самом. Сообщи мне и адрес Андрея в Америке, я пошлю ему мои книги стихов, хоть он пожалуй, и равнодушен к русскому парнасу.– В “Нов.Рус.Слове“ появился еще мой очерк об Александре Добролюбове. Тебе понравится (несмотря на обильные опечатки). Он в трех номерах, за? апреля.

Был также ...? очерк в номере пасхальном, 25 Марта,– “письма издалёка“. Напечатанные стихи вошли в “Круг и тени“, – за этот сборник меня почему-то очень хвалят. Теперь готовлю новую книгу – в несколько ином духе. Мне сказали, что Романов, редактор “Граней“, собирается в Париж. Мне бы очень хотелось познакомиться с ним, если интересуется моим сотрудничеством. При случае – скажи ему. Непременно. У меня имеется и не только мой, очень интересный материал для его журнала.

Нежно любящий тебя брат Сергей.

№г. 13 28. Августа 1951

Дорогая моя Елена,

спасибо за то, что вспомнила обо мне в день моего рождения и за ласковое письмо! О тебе, через маму, я все время имел сведения. Думаю, что и ты все узнавала обо мне через маму. Мы с ней (и только с ней!) в переписке *suivie*. Очень хотелось бы, чтобы это и с тобой случилось. Время мы переживаем такое чудовищное, что есть потребность “излиться“ близкому человеку. А кто же у меня ближе чем ты?

Ты пишешь о моем приезде в Гамбург... Пришлось отложить из-за спешных дел, связанных с литературным заработком. Жизнь делается такой дорогой (вернее – франки так летят вниз), что никак не свести концы с концами на те тридцать тысяч в месяц, которые мне дает Иван (из них каждое первое число, вперед, даю моим хозяйкам 20 тыс. и знаю que e'est onal page). Теперь буду, вероятно, подрабатывать, редактируя русский журнал "Дело" издаваемый в Сан-Франциско (калifornia)– т.е. литературный его отдел. Взятся и за другую, скучнейшую корректорскую работу (не стоит и говорить – какую!), она даст мне порядочно в будущую зиму. К Рождеству, дай бог, и буду иметь возможность тебя навестить в Гамбурге. А пока, ранней осенью, очень хочется съездить в Италию (отчасти и по литературному делу), если Иван исполнит обещание – даст на путешествие. Он в общем хороший малый, сердечнее других детей, но тоже эгоистище невероятный и вдобавок, скуповат, когда дело идет не о его удовольствиях и фантазиях... Зато ничего и от меня дети не требуют и я могу целиком углубляться в мои писания и чтения. Да и друзей старых, испытанных, много.

Меня как-то оценили на старости моей. Вероятно, от того, что сам я, наоборот, стал к себе гораздо строже. Пошлю тебе на этих же днях (наверное) мой очерк об отце. Переписанные на машинке экземпляры все время были нужны, – эти "воспоминания" мои вызвали большой интерес. Сейчас одна копия освободилась, и я хочу совсем подарить ее тебе, отдать в твой архив. Отдельные главы будут напечатаны в "Нов. Русс. Слове", но вероятно не скоро.

Посылаю тебе и два NN "Дела", где еще я не редактор стихов. Мое редактирование начнется с N 5, посвященного Борису Зайцеву. В N 4 – статья о моем "руге и тени", глуповатая и совсем некстати напечатанная. Думали, дурачье, мне угодить, а взяли тон комически-хвалебный. Хорошо, это почти никто не прочтет в Париже.

Напиши, когда прочтешь моего "Отца". Ты скажешь, наверное, что я слишком холодно – строго сужу о его живописи... Знаю тебя! Но недаром все-таки я уж около пятидесяти лет занимаюсь художественной критикой (и не так уж ошибался в своих оценках). Художественная судьба Константина Егоровича – страшнее *degringolade* – в сладкую красоту, в прихорошенный шаблон. Я не мог, говоря о его творческом развитии, не

дать почувствовать этого падения (хоть и весьма сдержанно). Впрочем, сама прочтешь и тогда – брани меня я нисколько не буду за это на тебя в обиде. Из твоей “Мнемозина“ вставил несколько отрывков, совсем прелестных – и это общее мнение, кому я ни читал (между прочим – А. Бенуа)

Целую тебя милая и жду писем

Твой любящий брат Сергей

№. 14 3 декабря 1951

Дорогая Елена,

перед отъездом из Рима, где я пробыл целых два месяца, – в Ниццу, к маме, пишу тебе несколько слов, чтобы на тебя же еще раз пожаловаться. Почему именно меня, твоего Сергея, ты в таком “черном теле держишь“? Месяцами не отзываешься на мои письма. Это упорное молчание твое отбивает и у меня охоту писать тебе подробно о том, что конечно тебя бы заинтересовало. В данном случае – о моей итальянской поездке... Я совсем влюбился в Рим. Вот – город преображающих красот и какой-то сверхестественной романтики! Помнишь ли ты его? Впрочем, в молодости все воспринимается более поверхностно. Только к старости слышишь голос тысячелетий. Никогда Италия и развалины ее веков не производили на меня такое впечатление. Вот бы, где с тобой встретиться и поблуждать вместе, как бывало когда-то – по Шварцвальду – помнишь? Ты еще говорила о нас – “Pilgerinn und Pilgermann“ ...

Почему ты ни словом не отозвалась на мои воспоминания об отце. Не понравилось? Укажи, где я “перегнул палку“ по твоему. Очерк уже появился в воскресных номерах “Нов. Рус. Слово“ (начиная с 7го номера), но, конечно, только отрывками. При издании к книге может еще и смягчить кое-что, и дополнится, и ... сократится, если надо. Мне самому трудно судить... А ты отмалчиваешься!

Целую, напиши мне в Ниццу (Hotel Cote d’..?) напишу подробно и о маме.

Как твое здоровье?

Твой нежно любящий брат Сергей.

№. 15 12. Март 1952

Регистер: “Отец“, “Новое русское слово“, “Портреты современников“, Вячеслав Иванов, Брандес, Соловьев, Добужинский, Академия художеств, “Аполлон“

Дорогая моя Елена

Давно бы ответил на твое последнее длинное письмо с таким “благожелательным“ отзывом о моем “Отце“, – если бы не хворь. Случилось у меня что-то вроде сердечного припадка, все домашние перепугались и даже мои “невозмутимые“ дети – и те встревожились, выслушав заявление доктора, что это “начало грудной жабы“. Один я не поверил, вылежался и пошел к специалисту по сердечным болезням. Он подробно выслушал меня и сделал то, что теперь называют “электро–радио–граммой“, которая безошибочно определяет в каком состоянии сердце. И что же? Оказалось, что все от нервного переутомления (я много работал перед тем) и неосторожного питания (я неразборчиво ел до того!), а сердце само по себе – хоть куда! Иначе говоря /..?/

Принялся я опять за работу, но конечно буду осторожнее, а главное – буду соблюдать повседневный режим... Не мешало бы и тебе сделать такую электро–радио–грамму, в Гамбурге наверное и специалист найдется.

Твой отзыв об Отце даже удивил меня! Я предполагал, что многое очень не понравится тебе в смысле чрезмерной строгости к живописи отца...

Оказалось, что ты тоже умеешь судить объективно, а не только сквозь дочернюю нежность. Кстати, милая, представь – ни одного экземпляра рукописи моей у меня не осталось. Их было три: одну послал в Америку для “Нов. рус. Слова“,

другую – тебе, а третья у меня оставалась... но кто-то из знакомых взял “почетать“ и не вернул, а я совсем забыл – кому отдал. Ты пишешь, что хочешь размножить для детей мою рукопись... Так вот – размножь так, чтобы мне прислать экземпляр или лучше, вернуть тот, которые я тебе послал (на специально авиоленой бумаге), а я заплачу тебе расход за пересылку – при первой okazji в Гамбурге. Мне очень недостает этой

рукописи при составлении тома моих “Литературных портретов“ или “Портретов Современников“. А заглавие, мне самому не нравится: лучше – “Отец и детство“. Сейчас я окончил другой очерк – “портрет“ поэта Вячеслава Иванова, детей которого я навестил в Риме, где удалось пересмотреть все сборники стихов В.И. другие книги его. Скоро буду читать этот очерк моим друзьям, опять будет собрание вроде того, на котором ты раз присутствовала, когда я читал о Брандесе и Соловьеве. Кстати, не могла ли бы ты переписать мне то, что прочла у Брандеса о нас в Финляндии, – помнится в немецком переводе? Очень прошу тебя: хотелось бы этот отзыв обо мне и о тебе поместить в страницы, посвященные нашему отрочеству (в моей книге).

На днях получил я письмо от М.Н. Добужинского из Нью-Йорка (мы с ним изредка переписываемся). Он тоже пишет мемуары, в них есть о Мюнхене в 1898 году, – вспоминает тебя, школу, куда вы вместе ходили, и как он вернувшись в Петербург провалился на экзамене в Академию Художеств. Ты все это помнишь? Он очень милый человек и был самым близким к “Аполлону“ художником.

Целую тебя, дорогая, не ленись и непременно пришли открыточку в ответ – что это мое письмо получено и мою рукопись я получу обратно.

Твой брат Сергей

№ 16 24. апреля 1952

Регистер: М.С. Игнатовская, Брандес, Мария Башкирцева,

Дорогая сестра Елена.

Была у меня на днях милейшая твоя приятельница Игнатовская и передала твое коротенькое “/...?/“. Хотелось бы ответить длинным письмом, но, по правде говоря, я очень много сейчас просиживаю за письменным столом над своими и чужими рукописями, устаю и для длинных писем пороха не хватает. Тем более, что после посещения Марии Сергеевны опять страшно захотелось навестить тебя в Гамбурге! Напиши – какие месяцы точно (начиная с мая) ты собираешься оставаться у себя дома, и удобно ли будет тебе, если я вдруг нагряну на недельку, а то и на две? Но до тех пор очень

прошу тебя прислать мне давно обещанный тобой отрывок из книги Брандеса (по немецки?) о нас с тобой в Раухе. Эти страницы нужны мне для окончательной редакции моих отроческих воспоминаний. Приятно будет поместить отзыв Брандеса и о тебе, юной Марии Башкирцевой. Не поленись, сделай это поскорей. Что до моей рукописи об отце, то она не так уж спешно нужна теперь, т.к. удалось восстановить её по черновику. Целую, поздравляю с праздником! Очень утешло меня, что по отзыву М.С. ты, несмотря на боль в ногах (подагрическая?), ты все чувствуешь себя молодцом и, по прежнему душой молода... Не могу того же сказать о себе, хотя ноги у меня и не болят. Но темновато на сердце. И работается с усилием. Видно – годы недором.

Твой любимый Сергей

№ 17 **18 мая 1952**

Регистер: Клягин, Брандес

Дорогая Елена.

Ты права. Давно пора мне проехать навестить тебя в Гамбург... Все как-то не складывалось, отчасти и из-за денежного вопроса. Но сейчас Иван, по-видимому, разбогател (в связи со смертью Ёлягина) и охотно идет навстречу моим “путешествиям“, а здоровье мамы, в последние месяцы, окрепло, как-будто, и я могу отложить поездку в Ниццу. Не знаю еще, как сложить все мое лето, но в июне, прямо из Парижа, закончив кое-какие литературные дела (подготавливаю очередную книжицу моих стихов к изданию), решил – к тебе. На сколько? Это будет видно. Не люблю слишком загадывать. Возьму на всякий случай и австрийскую визу (немецкая у меня уже есть на “Нансене“), чтобы иметь возможность из Гамбурга попасть, через Германию не возвращаясь в Париж, опять в Италию оттуда уж – и в Ниццу, на обратном пути. Или, побыв с тобой недельку, вернусь во-свои до следующего выезда в Италию – к осени. Не уверен. Отчасти зависит это и от погоды. Если в Италии наступит к июлю адова жара, то куда умнее переждать где-нибудь или в окрестностях Парижа (около Ивана или – по

чем знать? – где–нибудь в австрийском курорте, скажем – в Тироне. Во всяком случае, я мог бы выехать в Гамбург (с утренним поездом, чтобы все видеть по пути) числа шестого в июне. Напиши мне, удобно ли тебе. Я не хочу, чтобы ты из–за меня что– либо меняла в распорядке своего времени летнего. В конце концов я совершенно свободен и могу распорядиться своим летом и по–иному.

Спасибо очень большое за присланные отрывки из Брандеса. Разумеется, все верну тебе, когда использую, т.е. возьму с собой в Гамбург. Чувствую я себя не особенно хорошо, все что–то с пищеварением. Имей ввиду: мне определенно вредит мясо. Когда ем одни овощи пополам с тестом, чувствую себя куда бодрее. А может быть, и заработался слегка. Много хочется доделать, дописать, – а лет осталось, сама знаешь, немного, если и осталось...

Целую тебя нежно

Твой брат Сергей

№г. 18 4 июня 1952

Дорогая Еленушка.

Приезд мой немного откладывается из–за ... забастовок в типографии, где печатается сейчас сборники “Рифмы“. Ненадолго, правда. Почти уверен, что смогу выехать 14 в субботу утром, с поездом, который уходит из Парижа в 8.5. и прибывает через Ёельн, в Гамбурге – в 9.19 вечера. Для верности дам еще телеграмму за два дня.

Очень радуюсь нашей встрече.

Целую твой Сергей

P.S. Очень много дел перед отъездом, как нарочно!

№. 19 **1 августа 1952**

Дорогая моя Елена.

Вот уже две недели, как я “дома“, в Париже. Каждый день собирался писать к тебе. Но сама знаешь, как много хлопот и неотложных дел ожидало меня на rue de Tilsitt, после моего месячного отсутствия! Сейчас все привел в порядок, так, что могу думать и об отъезде на юг, к маме, а там ... может быть на “финиш“ и в Италии загляну опять. Последнее будет зависеть от щедрости Ивана и от того, за какой счет будет печататься мой сборник стихов, – у меня есть надежда, что этот расход возмет на себя издательница “Рифмы“ (как в прошлый раз): тогда с Иваном все устроится. Сама издательница уже с неделю в Париже, и на нее не мало уходит времени. Очень милая женщина и мною, моими стихами, увлечена даже чрезмерно ...? все не могу ..?, настолько ...?

Ее “увлечения“ эксплуатировать не хочу, хотя по справедливости за всю мою работу по сборникам “Рифмы“ я заслужил бы каких-то 100 Долларов! Был у меня и Щарлович, редактор “Нового журнала“, где будет напечатана моя статья о Вячеславе Иванове (сентябрь и декабрь). Он оказался очень симпатичным и неглупым человеком, просил меня помочь ему в ...? для собирания материала для ..? журнала. Расстались друзьями я увижу его, вероятно, и на юге; он собирался провести август на ЁЛазурном берегу“ и лишь в сентябре будет обратно в Соединенных Штатах. За это время набежала и другая работа – участие в сборнике юбилейного характера (250-летие со дня основания Петербурга), и по этому поводу жду от тебя помощи: понадобилась мне как раз эта книжитца о петербургских памятниках старины, которую я тебе подарил. Очень прошу тебя, как можно скорее, выслать мне ее сюда на время. Она – твоя, но другой достать здесь нет возможности. По этой книжке я составлю статью о всем разрушенном в нашем Питере и его окрестностях. Хорошо бы прибавить к этому “..?“ и кое-какие впечатления Петра о советской России при наступлении и отступлении германской армии... Недаром просил я его записей ..? Конечно, в данном случае особенными данными оказались бы его впечатления о вандализмах войск (и немецких, и русских) на русской территории. Я бы

мог привести его слова в кавычках (лучше, думается не называть его?), как бы – из писем ко мне или тебе с фронта, в течении прошлой войны. Мне предоставлен месяц сроку для этой статьи, но можно будет затянуть. Гонорар за нее я готов предоставить Петру. Скажи ему, добейся определенного ответа и сообщи мне. Юбилейный сюрник будет интересным, ты получишь один или даже два экземпляра. Спасибо за присылку забытого мной “Пикассо“, но я оставил еще галстук, он неплохой, синенький в полоску. Подари его от меня Петру. Тебе кое-какие книжки вышлю до моего отъезда к маме. Не мало “мук“ у меня с моими “Зарницами“ ... начиная с заглавия: как-будто черезчур нарядно, вроде “Огоньки“... Но?да не знаю, чем заменить. Вообще с редакцией стихов не все благополучно. Многие перестало меня удовлетворять. Переделываю, сакрашаюб вычеркиваю и дополняю... Раньше поздней осени печатать не буду. Не хочу, чтобы поводы были на меня “собак вешать“.

В заключении, хочется еще раз сказать тебе, как во всех отношениях было мне ..? и душевно тепло около тебя в Гамбурге. Завязалась опять прерванная связь, в конце концов, с самым близким мне человеком, с настоящим другом от времени далекого детства. Да и внешние гамбургские условия были ..? отрадны. Все мои дети, которых вижу довольно часто, не нажалуются на неистовую жару, а нам с тобой ...? в умиротворенной летней прохладе. ? Осень в Париже – погода восхитительна. Около Ниццы, судя по письмам мамы, духота продолжается. Авось полегчает, когда соберусь в путь. Целую тебя нежно, жду книги, обещаю писать и мечтаю о следующем приезде к тебе.

Твой брат Сергей.

№. 20 1 сентября 1952

Регистер: Гр. Грабовская, Алданов, Адамович, Сабанеев, Корифельд

Дорогая Елена,

Письмо твое с поздравлением (единственным— от близких!) получил я вовремя, но уже в Ницце, где я нахожусь дней десять, около мамы, спустившейся с гор (где она полтора месяца отдыхала в пансионе гр. Грабовской). Сразу начались с её стороны истерические её выходки, должно быть за то, что я ездил в Гамбург! И ходить—то не может, и не ест почти ничего, и говорит, с трудом выговаривая слова, и не слышит, и не видит почти ничего (“даже вот тебя, каков ты есть не вижу!”). К счастью, зная её и её привычку к притворству, я не поверил. И, действительно, не прошло дня, как она и слышать стала, и гуляла по несколько раз в день, не жалуясь на ноги (после электрическо—го лечения), и говорила без умолку с драматическими интонациями, изображая в лицах клиентов Грабовской и, в особенности, придираясь ко мне из—за всякой мелочи, сердясь на свою забывчивость, и рассеянность, и которых я неизменно оказывался виноватым, и “перемывая косточки“ престарелых ниццких беженцев. И видит настолько хорошо — что малейшее пятнышко на рубашке замечает, и не дай бог — посмотреть при ней на какую—нибудь девицу в купальном ..? — тотчас взъерошится. Были с ней несколько раз в церкви: приоденется в новое платье, набок шляпку белую с огромными маргаритками, принамажется, не жалея /..?/ и со всеми встречными улыбочки и любезности. Как вдвоем — упрек, намек и упрек (как говорил ултанов) , все—то я не так делаю! всё—то, — главное, — дорого плачу. Какое счастье, что благодаря Ивану, не приходится больше брать у нее денег. А они есть при ней. На следующий день, после моего приезда, по—шли с ней в банк и получила она из Швейцарии 204.000 фр. Заперла в шкаф и не дотронулась до них. Говорит что всё должна отдать за какие—то pinalites(?) Иван поступил, конечно по—хулигански, обещав бабушке “месяц в горах с Сергеем, а когда дело дошло до кредитных билетов, передал мне “для бабушки“ всего 10.000 фр. (ведь это прежних 100 фр.!). а мне — на десять дней пансиона — 25.000.

Не будь у меня своих, никуда вообще из Парижа я бы не уехал: одна дорога в третьем классе, туда и обратно – десять тысяч стоит, да здесь комнаты – по 600 фр. в день. Но, помимо всех этих житейских и семейных передраг (кот. сводятся к долгам), живу я здесь неплохо. Опять жарко стало, но чивыносимо. Нашлись у меня и друзья в Ницце. Собираемся два раза в неделю в Cafe:

Алданов, Адамович, Сабанеев, Корифельд и еще кое-кто из иностранцев, приятелей Алданова. Меня спрашивают с любопытством, читаю им В.Иванова. Был и в

экскурсии по горам, любовался из ..? дорогой

в ..? (1.700 метров высоты); по вечерам (мама ложится спать около 10 час.) пишу и читаю. Чувствую себя хорошо. Спасибо за твои переводы моих двух восьмистиший. Очень понравились мне, в особенности второе – о “замыслах“. Главное – дух передан, умно переложено на немецкий язык, такой непохожий на русский. Опять повторяю – тебе бы писать пером и писать. Почему бы и воспоминаний своих не изложить по-немецки? Уверен, что нашлось бы где напечатать. У тебя к слову настоящее дарование. Жаль, что не поняла этого. Но никогда не поздно начать. Попробуй переводить ещё, и нет надобности – чтобы меня непременно! Записки Пети интересны, но беспомощно написаны. Поощри его продолжать. Попытаюсь что-нибудь сделать.

Перевести нетрудно. Целую тебя нежно. Мама /...?/

№г. 21 1 октября 1952

Дорогая Елена,

Я решил еще задержаться в Ницце, благо здесь хорошо работается (маме немного лучше, и скоро вернется к ней *femminif ? de ménage*, к которой она привыкла, – как без услуг, но как-то сама справляется). Переменил адрес: Hotel /?? / d'Agur закрылся на месяц в не-сезон. Строчку мою книжку “Портрты современников“, куда войдут и воспоминания об отце. Сборник стихов (“Рубеж“) окончательно проверен и скоро пойдет в набор и печать.

С большим интересом прочел я продолжение “русских впечатлений“ во время войны Петра. Жду и дальнейших страниц. Как вернусь в Париж, все перестукаю предварительно, затем буду стилистически править, надеюсь успешно сделать ряд очерков. М.б. и помещу в “Новом журнале“ или передам тебе для “Граней“, раз ты хороша с редактором (?).

В Ницце, по прежнему, “благорастворение воздуха ?“, только изредка дождички. А из Парижа пишут мне о холоде и бурях и чуть ли не выпадах снега. В газетах читал известия о непогодах в Гамбурге... Кстати, в тех же газетах здешних прочел я о наблюдавшихся, будто–бы, над Гамбургом таинственных летающих “блюдах“ и “сигаретах“. Многие, будто, видели недавно. Правда ли? Я продолжаю думать, что это не более, как массовое самовнушение. В средние века все мерещились кресты и святые в небе: У страха и глаза велики. А теперь, убоясь бомб и тэле–снарядов с атомическими взрывами, всюду реют ...? engis Tiliguidis. Но, в конце концов, чем чорт не шутит!

Собиралась ли ты на побывку к Диме? Поцелуй его, и его деток от меня.

А как матримониальные отношения у Петра? Все–таки я скорее рад, что оказалась хитрее не Мария ..?, а бойкая ее соперница. Она не глупа, и это очень важно в супружестве. Супружество и так само по себе, уже глупость в большинстве случаев.

У одного из моих сыновей тоже, повидимому, назрело событие, которое отразится на всей дальнейшей жизни его, самого и счастливого, и беспутного из моих троих детей – Ивана. Быть мне еще раз дедом. Суженая – не клад, конечно, но, как я говорил тебе, она милее и умнее всех, на кого Иван тратил свой неудержимый темперамент. Посмотрим. Мне никто из детей не пишет. Абсолютно никакого интереса к моей персоне... Только от Люси – два слова, что здорова, но скучает где–то в деревне.

От Holthusen’a получил милое письмо из Италии. Мои адреса емугодились. Вот этот никого не рискует обратиться в деда. И чем лучше для него... Не время теперь плодиться и размножаться. По–моему все темнее тучи на европейском горизонте. На Германии окончательно спотыкнулись “союзники“. Gu’en pentu fu?

Целую тебя нежно и уже мечтаю о том, когда попаду в Гамбург.

Твой любимый Сергей.

№г. 22 11 октября 1952

Дорогая Еленушка.

Прочел твое письмо к маме от 3/Х и, признаться, даже немного обиделся, – в ответ на мое письмо от 1/Х – даже полслова не прислала! Впрочем, этого, последнего письма ты вероятно тогда еще не прочла. Перечти и ответь о “записках” Петра. Собирается ли он продолжать? Или так занят своей женитьбой, что обо всем на свете забыл?.. Я не люблю бросать раз намеченного. Меня бы очень огорчило, если бы эти “записки” ничем не кончились.

Так и с моими “воспоминаниями”. Принялся за них горячо. Теперь остался только дописать о Дягилеве (в связи с первыми дебютами моими в литературе и “Миром искусства”). Кстати, когда, в каком году (точно) и месяце мы были с тобой (?) в Мюнхене, и я увлекся Бёклином, Клингером, Штуком? Во всяком случае, статья моя о Бёклине была готова уже осенью 1898 года (она, пошла в журнале “Мир Божий” (в 1899 г.), после моей же статьи о Васнецове (в 1898 г.). Последнюю я написал, вернувшись из Киева в русскую деревню, где жила вся семья. Помнишь? Это было – “Скородное”? Каким образом – в том же году мы оба с тобой очутились в Мюнхене? Или тогда я был без тебя? Но так помнится, что именно до Беклина непосредственно мы с тобой блуждали по Шварцвальду – “Pilgerin und Pilgerman”, как ты говорила... Напомни! У тебя все это есть в твоей “Мнемозине”. Здесь я без рукописей, а пишется легко и прочел я к тому же очень замечательную толстенную книгу “С.П. Дягилев и с Дягилевым” – Сергея Лифаря. Она прошла мало замеченной, т.к. вышла накануне последней войны, в 1939 году, и – очень точно, и стилистически превосходно, и вдумчиво, и объективно даже.

Никак не ожидал от Лифаря! Да, вероятно, ему кто-то помогал, а у него остались все документы и письма, весь архив, от Дягилева. Припомни еще (не так к спеху) то, что осталось в твоей головушке об ученичестве Н. Рейха, – ты обещала. Я вернусь и к нему.

Вижу из твоего письма к маме, что здоровье твое плоховато. Непременно обратись к хорошему врачу, сделай поскорее полное исследование в

клинике. Как собираешься! Не откладывай. У тебя всяких “бо–бо“ много, но натура – крепкая и при своевременном уходе ты еще можешь восстановить свои силы. Я непременно приеду к тебе будущей весной, – надеюсь с томом моих воспоминаний (изд. Чеховского комитета в Нью–Йорке), хотя бы в корректурных оттисках. Выходит очень интересно и разнообразно. Мой “Вячеслав Иванов“ на днях выходит в “Новом Журнале“. Тебе пошлю экземпляр – в первую очередь. “Рубеж ?“ решил слегка задержать. Все еще многим в этих стихах недоволен...

Целую тебя нежно. И Петру передавай мой поцелуй и совет – до брака куда–нибудь (хоть к Диме) ненадолго уехать, так – чтобы Марина перебисилась... Боюсь – как бы не решила отомстить ему.

Твой любящий брат Сергей.

№. 23

25 сент./ноября. 1953

Дорогая моя Елена,

Прочел только что твое письмо к маме и убедился, что ты одного моего – не получила из Рима... Я точно указал в нем, когда буду в Ницце и что все со мной благополучно. Газетам не надо верить. Никаких “беспорядков“ в Италии я даже не заметил. Были, правда, кое–какие “манifestации“ учащейся молодежи по поводу недоразумений (и даже стрельба) с англичанами в Триесте. Но по моему глубокому убеждению, и эти жалкие протесты вызваны были (поддерживались во всяком случае) самим правительством. Народ в Италии давно безмолствует, взирая на все с точки зрения ... доллара. Совсем обеднела страна... О Сицилии, где я пробыл (весь остров объехал, с островами) около двух недель и говорить нечего. Но, боже, до чего романтичен этот древний край! Живет и по ею пору, как в гомеровские времена. Пошлю тебе (как только будет перестукана) мою поэму на эту тему (“Trinacria“). В общем я очень доволен моей поездкой. В Париже с моей комнатой тоже, как–будто, все уладилось. Осталюсь на прежнем месте, только у другой хозяйки. Элкан с матерью переехала к дочке (совсем обонкротилась, бедная!). Здоровье мамы – так себе... Ничем не больна, иногда и молодцом глядит, но, конечно, годы берут свое. Очень

жаль мне оставлять ее одну со своими невеселыми думами... Поздравляю тебя с твоим успехом по случаю твоего 75-летия! Если устроишь свою выставку, непременно приеду в Гамбург. Да и без выставки в 1954 году – приеду (“если буду жив“). Пока еще держусь. Много пишу... Да кому нужны эти писания? Русские так огрубели, что почти и не читают вовсе.

Целую тебя нежно. Не забывай. Петю и внуков поцелуй от меня.

Твой брат Сергей.

P.S. Все мои благоденствуют. Владимир толстеет и чинет абажуры.

№г. 24 21. Января 1954

Регистер: Чеховское издательство, Бунин, Holthusen, “Trinacria“, Prof. Lo Gatto, “Русские стихи об Италии“

Дорогая моя Елена!

Опять долго не было от тебя вестей.. Праздники давно кончились, – значит ты вернулась и Гамбург после побывок у Димы? Я писал к тебе в последний раз из Ниццы, 26 ноября. На это письмо ответа не получил. Знаю о тебе от мамы... Судя по тому, как она мне передавала “своими словами“ твои впечатления от жизни у Димы, – её пробабушечье сердце (по отношению к твоим внукам) по–видимому равнодушным не осталось. Ко мне она пишет часто и не особенно жалуется на хвори, только в ужасе от того, что теряет зрение... Да, это правда: не пройдет и двух лет, она перестанет видеть. Теперь уж едва читает. Я говорил в Ницце с её доктором. Он заявил: катаракты на обеих глазах, но операции делать не советует в виду /...?!/ и, конечно, усыпительных средств (из–за дряхлого сердца). Да эти операции и не всегда удаются. Опять тревожит меня мысль, как устроить маму, приближающуюся к своему столетию (!), когда она перестанет вовсе видеть. Это бы не так трудно разрешить. – в виду её двух внуков в Париже и внучки, да ещё одинокой Марины, не говоря уже о сыне с женой в Антибе, – но ты знаешь, каков у мамы характер! С кем она может ужиться? Ведь оттого и сейчас обретаётся в сугубом одиночестве, чудом каким–то справляясь и с

уходом за собой, и с хозяйственными заботами... Впрочем, гадать нечего. Все равно

не выдумашь. Что касается меня, то я всё же остался на rue de Tilsitt 14, хоть и выехали мои милейшие хозяйки, Эльхан и Абельман. Вернее, – бежали от долгов (всем должны в околонке!), а меня подкинули очередной еврейке, взявшей на себя распутать положение, сдавая все комнаты и по-немногу выплачивая долг хозяину. Устроился я сейчас в одной комнате, но довольно уютно. Завтракаю три раза в неделю у Сергея и его жены, раз – у Ивана с Helene, и, бывает также, у Люси, где иногда встречаюсь и с Мариной. Остальное время сижу больше с моими книгами и стихами (своими и чужими). После трехмесячного путешествия и довольно утомительной /...?/ по Сицилии, чувствую себя немного усталым. Да и дела много с приведением в порядок перенесенных из одних комнат в другую всех накопившихся за годы рукописей, книг, всяких вырезок и пр. Вот уж месяц, как вожусь с этим барахлом, однако мне необходимым для дальнейшей работы. Из литературных новостей, меня касающихся: вышла недавно в “Чеховском издательстве антология русских поэтов в эмиграции, в которой мне отведено заметное место среди “старейших“ (кстати, я оказался один живой ещё , рядом с покойниками, последним Бунин умер). Книга эта составлена ...? (кот. знает Nothusen) не совсем удачно по выбору стихотворений, но как раз мои выбраны неплохо... Готовлю я и следующий сборник стихов. Посылаю тебе – одно, передающее (хоть бледновато) мое впечатление о Сицилии: Trinacria. Я читал его в Риме проф. Lo Gatto, он пришел почему-то в восторг и взял эти строфы для помещения в антологии, которую собирается выпустить: “Русские стихи об Италии“ (начиная с Пушкина)... Но у меня всё меньше иллюзий... сочиняю строчки просто из непреодолимой потребности... На днях навестила меня, представь, – Игнатовская. Покинула Мадрид (где ей было скучно при дворе наших “Высочайших“ и уехала к каким-то богачам в Брюссель. Крепко целую тебя. Не медли с ответом.

№. 25 19. Марта 1954

Регистер: “Trinacria“, Константин Егорович Маковский, “Чеховское издательство“, “Портреты современников“

Дорогая моя Елена.

Что это опять так на долго замолкла? На мое письмо, от 21. января еще, и на посылку сицилианской моей поэмы “Trinacria“ (28. января) – никакого отзвука... И маме тоже не пишешь! Ивана ты просила прислать денег на покупку, портрета Константина Егоровича, он поручил передать эти деньги тебе в Гамбурге уже довольно давно... И опять таки, ты не ответила даже, что деньги получила! А о портрете Иван больше не слышит. Что случилось! На тебя непохоже. Мы все начинаем беспокоиться. Не больна ли! В таком случае – скажи Петру, чтобы написал хоть два слова. Я пишу и по поручению от Ивана... Здоровье мамы все также – стареет, слепнет, едва ходит, но ничем не больна, как-будто. Я увижу ее на Пасхе, поеду в Ниццу с Иваном и его женой. Сам я чувствую себя неплохо, но тоже не молодею. Из приятного могу сообщить то, что “Чеховское издательство“, наконец, включило мою книгу воспоминания (“Портреты современников“) в свою программу, но когда выпустит книгу – я еще не знаю, во всяком случае, надеюсь – к будущей зиме.

Спешу отправить письмо. Ответь и, если захочешь все подробно отпишу о твоих племянниках и племянниц. Пока одно скажу – благополучно.

Целую крепко и умоляю не откладывать ответа.

Твой брат Сергей

№. 26 4. Апреля 1955

Дорогая Елена.

С наступающим Праздником! Все мои дети разъехались – кто-куда. Но и в Париже сейчас не плохо. Потеплело по-весеннему. Настроение поддерживает и то, что я со всех сторон получаю комплементы по адресу моих “Портретов“. Бывает так: книга почему-то самым разным читателям

понравилась, и продажа идет успешно... Кто читал из моих знакомых, присоединял неизменно и похвалы выдернутым из твоей “Мнемозины“ отрывкам. Горячо расхвалил их и Johannes von Guenther /?/, которого я сорок лет не видел но недавно мы друг другу стали писать самые дружеские письма.* И скоро собирается он опять в Гамбург и намерен во что бы то ни стало посетить тебя. На днях ты должна получить от него и немного денег для меня – эквивалент в марках 1.490 французских франков. Не удивляйся. Оставь эти марки на тот случай, что придется мне уплатить за то или другое в Германии (с отправкой денег из Парижа – ужасная канитель). Ёстати я что-то должен Барсову за присланные мне фотогр. отпечатки с его портретов – моего и Ремизова. Не знаю еще, сколько он спросит. Напишу тебе, а ты будешь другом и отправишь ему по почте. Кроме того мне хотелось бы приобрести книжку (по-немецки?), изданную во Франкфурте художницей Сабашниковой (первой женой Макса Волошина). Мемуары: – говорят, очень интересные.

Знаю, что тебе нелегко по городу ходить: поручи Петру; я уверен, что можно достать через любой большой книжный магазин.

Пиши чаще о своем здоровье! Не запускай себя, котролируй и давление крови, и вес, и сердечную деятельность у врача, которому веришь... В известный возраст надо следить за своим физическим состоянием даже тогда, когда чувствуешь себя сносно.

Нежно целую. Отвечать не торопись, но извести о получении от Гюнтера денег.

Твой нежно любящий брат Сергей.

P.S. Иван все спрашивает – досылать ли тебе, находящийся у него, остаток от маминого наследства. Из Швейцарии сделать это нетрудно.

*Он переводит на немецкий множество моих последних стихотворений (около 25)

№. 26 30 апреля 1954

Дорогая Елена,

Что же это в самом деле? На три моих письма (за много месяцев) никакого слова от тебя не дождался? Если-б не твое последнее письмо (длинное к маме), я бы и не знал, что и как с тобою... Обидно. Чем я заслужил такое упорное молчание?

Вот уж третью неделю я – в Ницце, куда меня отвез в автомобиле Иван с Helene. Они остались всего несколько дней, а я застрял по обыкновению; хотелось южного солнца глотнуть. Да не повезло. Почти все время было и холодно, и дождливо. Ницца, положительно, стала похожа на Гамбург. За эти недели не больше трех дней приятно было выйти без пальто... Вот тебе и юг!

Мама чувствует себя не хуже, чем в прошлые годы, хотя еще больше жалуется на свои старческие немощи – и ступни болят, и аппетиту нет, и спит совсем, и не слышит. А на проверку – ей, больше всего, от возраста – скучно, потому что ею, естественно мало кто занят, а ежели в кинематограф – так и полтора часа на ногах не выдерживает, ежели в хорошем ресторане – ест, как молодая, а видит сплош да рядом такую мелоч, как никто. Но, правда, читает с большим трудом. и все опаснее ей становится жить одной в квартире (с femme de ménage лишь два раза в неделю по два часа!). Но что же с ней поделаешь? И я, двадцать раз, и Владимир, и Иван – пробовали советовать ей иначе организовать жизнь. Напрасно! Задалась целью не тратить больше того, что ей приносит ее американские pension viagère, не меняя швейцарского золота, хоть я давно вдалбливаю ей, что никому из нас оно не нужно такой ценой. Тем более, что по теперешнему курсу этот знаменитый “капитал” составит такие пустяки, которые не явятся ни для кого никаким обеспечением... Ты сама знаешь, ничем ее не переубедить! Да и не переубеждается старческая... бережливость. Каюсь, меня это просто раздражает, и в мои ниццкие приезды я часто ссорюсь с мамой – все из-за каких-то жизненных мелочей, вернее – из-за ничего, из-за полного несоответствия в нашей “манере” понимать вещи. Я всегда больше всего ценил свою (и чужую) независимость и, конечно, какое-то творческое дело,

хотя бы только знакомство с людьми творческими и воспитание новых мыслей и впечатлений. Как раз наоборот, мама любит, чтобы все, окружающие ее, от нее зависели и сама зависит от бесчисленных привычек и предубеждений. Времена меняются и поколения вместе с ними. Мама вечно обижена на недостаток внимания со стороны моих детей... Отчасти и права она: настоящего сердца у них немного. Но не надо забывать, что воспитывал их Париж, где молодежь воспитана плохо и где в счет одни материальные блага. Я лично не жалуясь. Беру то, что дают. Лишь бы им везло по прежнему.

В заключение – вот просьба к тебе: Принять ласково, ежели к тебе явится, моего старинного приятеля=немца, Johannes'a von Guenther'a, бывшего заведывающего отделом немецкой литературы в “Аполлоне“. Ты, наверно, помнишь его фамилию. Он Живет около Мюнхена (Bahnhofweg 142, Seeshaupt/OBV) и приедит в мае с женой в Гамбург, где ставят его пьесу. Я сообщил ему твой адрес. Гюнтер с некоторых пор в переписке со мной и, судя по письмам, ко мне относится очень дружески. Обещал перевести кое-что из моих писаний (и переводил уже). Он балтиец, прекрасный переводчик русских поэтов, любит бывшую Россию, говорит хорошо по русски. Жены его не знаю.

Целую тебя. От меня привет Петру и его жене. Откликнись. Через неделю уже я буду в Париже.

Твой любящий брат Сергей.

№г. 27 24 июля 1954

Дорогая моя Елена.

Спасибо за твое последнее обстоятельное письмо! Вижу, что ты живешь деятельно и не слишком хвораешь, несмотря на ужасающее лето (здесь, в Париже, по крайней мере – словно и не было его, за исключением ...? дней). Уезжать я ...? собираюсь до конца августа...? конечно, навещу маму – ...? Grave de Peille, куда она ...? из Cap d'Antibes к гр. Грабовской по старой памяти. Пишет, что очень довольна Пейлем в этом году и уходом за ней Грабовской... Но, разумеется, вопрос о зиме остается в силе: вряд ли можно

будет оставить ее одну в своем “Palladium’e” ...Все решится, когда я увижу ее осенью.

Посылаю тебе газету “Русская Мысль“, где написал о тебе фельетончик небезизвестный тебе Барский. Он пришел ко мне от тебя. Я дал ему рекомендации к ряду ..? Muss-/? в Париже. Всех он зарисовал... Плохо, но с большим фарсом. Воображает себя мастером, на самом деле – не лишенный способностей дилетант. И меня рисовал... Но казачок он “с изюменкой“. Деловой! Посоветовал я ему постучаться к Нобелю (“что???)

“Нет,– ответил,– мне и в Гемании больше платят. Не могу оставить рисунка!“ Тот и заплатил 50. “Все мое пребывание в Париже, вместе с дорогой, оплатил“,– смеялся казачок (настоящая фамилия его Беляев). О тебе (ему сильно сократили статью – в газете) он писал бойко, но видимо искренно восчувствовал твое искусство. Не понимаю только причем тут Саванорола? и почему “дочь передвижника“ (хоть и участвовал вначале Конст.Ег. на передвижных).

Целую тебя и буду скоро писать еще. Сегодня тороплюсь. Твой Сергей.

№. 28 3 августа 1954

Дорогая Елена.

Только прочел твою открытку с вопросом об “Аполлоне“ и спешу ответить! Пожалуйста, не отдавай моего журнала твоим ?...?

Берусь продать его дороже? ...? Париже. Меня часто спрашивают . Ты знаешь, у меня самого ...? ни одного номера. Напиши мне сейчас же – сколько тебе предлагают за N. в марках, а я справлюсь и напишу – сколько можно получить здесь. Перевод денег немедленно в марках же. Очень прошу! Продав журнал в Париже, я смогу им пользоваться когда понадобится для моего второго тома “Воспоминаний“. Ни у кого из моих знакомых здесь нет!

Кстати, почему не ответила мне на вопрос о “голове старика“ для Ивана (портрет К.Е. Маковского). ...? получила деньги? Ком-то ...? на тебя. Иван считает, ...? куплена, а где она?

...? и жду ответ

Твой любимый Сергей.

№г. 30 22 июня 1955

Дорогая Елена.

Я опять захворал. Десять дней провалялся в злом гриппе. Конечно снова все перепугались (после осенней моей “чахотки“) сейчас много лучше хоть еще не встаю и стараюсь набираться сил, лежа в постели. Дети навешают. Иван просил передать тебе, что распорядился о посылке тебе остатка твоих денег из швейцарского банка. Сам, конечно, не может заставить себя взяться за перо! Такая уж его невероятная распушенность...

Но везти ему продолжает. Сейчас обставляет домик на приобретенном участке около Парижа. Как только подкреплюсь, думаю через недельку, поеду к нему погостить. ...? И им “бабушка наворожила“... Только бы обошлось за жесточайший эгоизм. .. Вот у тебя есть дети. У меня – почти нет. От одиночества спасают “друзья и поклонники“... По–моему ты писала об успехе моей книги? Пока только и была одна интересная рецензия в Нью–Йоркской газете , пришлю если хочешь. (..?) Ни в одном журнале ни слова. Если ее всюду так пропагандировали, как ты, милая сестра,– в Гамбурге!! Гюнтеру я написал. Он меня трогает, хотя и я не верю справедливости его оценки моих стихов. Да и не пишется мне что–то последнее время! Очень страшна действительность – не для “звуков сладких“. В прочем, это, может быть, и с жару так кажется. Последние чисто лирическое? мое настроение я испытал, слушая в здешнем Орега – ..? “Евгения Онегина“. Сколько напонила. Вернувшись домой написал эти этих несколько строф (одну зачеркивал). Целую тебя, всегда помню и мечтаю с тобой встретится.

P.S. О твоей ..? выставке была по–моему в свое время заметка в одной из парижских газет. Жаль, что ты пренебрегла П..? Он опять был у меня. Он бы конечно, написал, еще статейку. Очень тебя ценит.

№г. 31 17 июля 1955

Дорогая Елена моя.

Спасибо за милое письмо от 11 июля. Спешу сказать, что я после гриппа совсем поправился. По–мнению доктора, ничего в легком у меня не осталось. Только еще слаб немного. Кстати, и погода “не благоприятствует“ – духота и грозы. Ездил к Ивану на его новую дачу /..?/, но дом только еще отстраивается, готов будет не раньше, как через три месяца. Сейчас ночевать приходится в столовой на диване во флигеле, оттеснив хозяев в полатку перед домом в саду. Когда все будет готово – кто знает? – может быть, и совсем перееду в это “имение“ Ивана в чудесной местности и со всем воображимым комфортом. Буду поблизости от внука Константина, которым очень увлекаюсь. Замечательный мальчишка (два года) и ко мне сразу привязался. Жена у Ивана – бабенка пустая, но добрая и я с ней лажу. Труднее с сыном, характер у него аховый (в деда Рындина), но он по делам службы в гостинице “Наполеон“, целый день в Париже. В автомобиле 40 минут в пути, так что до города рукой подать, вдобавок великолепной автострадой и булонским лесом. Не забудь, кстати сообщить: получила ли ты остальные твои деньги из швейцарского банка (Иван все спрашивал – нужны ли тебе, ты не писала). Очень рад, что ты купила книгу Волошиной и что мне перешлешь ее. Она уже была у меня и я прочел страницы, посвященные приезду Волошина с молодой женой в Петербург к Ивановым. Эти страницы мне понадобятся для дальнейших литературных воспоминаний. Вот большую услугу оказала бы ты мне, если бы, не откладывая, перевела мне на русский (твоим превосходным слогом!) эти самые странички об ухаживании Ивановых за Волошиной, благо сам Макс никогда ей мужем не был, будучи от природы бессильным...

Барсову (художнику) никаких денег не посылай. За фотографии с моих “портретов“ он ничего не хочет с меня брать. Один из этих портретов воспроизведен в только что вышедшем в Мюнхене (В. Jakowlew. Deutsche Bundesrepublik München 62. Postschlüssfach 31) “Литературном современнике“, при моей статье об Иване Коневском. Если тебе в Гамбурге не достать, вышлю отсюда, как прочту сам. Сергей с женой еще в Париже, работает

успешно; Выработался в настоящего картинного торговца международного масштаба. Меня балует. Мечтаю приехать к тебе в Гамбург к осени... Так вспомнилось приятно наше житие – бытие после встречи на днях с Игнатовской, собирающейся на сей раз укатить в Соед. Штаты. Не унывай! Нежно целую. Привет твоим сыновьям. Твой Сергей

№. 32 3 марта 1956

Дорогая моя Елена.

Вот и Андрей улетел обратно. Как время–то летит! Очень приятно провели мы дни в Париже, виделись? почти каждый день. Сначала у Люси завтракали, потом обедали с Сергеем и жи–жи у “Яра“; заходили к моей старушки Абельмана, которая сразу в него влюбилась. Да он и всем чрезвычайно понравился. И умен, и воспитан и чувствуется, очень добр: улыбнется, все в морщинах лицо с большущим носом все светится доброжелательством и душевной чуткостью. Мы сразу с ним подружились, думаю навсегда. Он совсем в моем вкусе: дух европейский (отнюдь не “американский“), а душа все–таки русская. Вот бы мне такого сына! В несколько дней стал мне куда ближе моих собственных. С Иваном я так и не вижусь больше. Но Андрей у него был в имении St. Sigeg и очень верное ...? впечатление. Про Ивана, – при свойственной ему сдержанностью,– сказал только: It is a showman!“ Нельзя определить вернее. Надеюсь теперь?, что дела Андрея с его заводом устроятся через год–два, и он переселиться в Париж для фабрикации каких–то технических приборов авиационных. Я буду чувствовать себя родственно менее одиноким...

Как твое здоровье? Я за свое принялся серьезно под влиянием все того же “иога“ В.И. Поля, которого часто вижу после смерти его жены Ян Рубан. Он поразительно сохраняет свои умственные силы, несмотря на полную почти глухоту и слабые легкие – в 83 года. Средство простое: меньше есть ..? годы. Надо совсем мало, а раза два в неделю поститься сугубо. Сначала мутит, но скоро привыкнешь; но от этого действительно прибавляются силы, и голова и память свежеет. Вот и тебе дорогая советую! Никаких яичек, масла, хлеба и пр. Бо свежей. Вот и тебе, дорогая советую! Никаких яичек, масла, хлеба и

пр. по утрам во всяком случае. Довольно одного черного кофе и апельсинового соку. Мясо не каждый день, и во всяком случае, не на ночь. Всякий склероз, ревматизм и прочие немощи это уничтожает, как по волшебству. А к тому же и экономия, в которой я нуждаюсь больше, чем когда-нибудь.

Я продолжаю много работать. В конце месяца буду читать о Гиппиус, а уж готов и другой “портрет“ – Сер. Мих. Волконского. На очереди – Рерир и Гумилев. Надеюсь, что там, через полгода будет дописан 2й том моих Воспоминаний“ /посвященных/ “современникам“. Но как его напечатать – это другой вопрос! Да все в жизни зависит от...? Надеюсь! Тем временем я задумал перебраться в один из русских “домов отдыха“ (с отдельной комнатой), т.к. с Иваном никак не ужиться, а Сергей... ..? устроил себе (одного великобританца!), но вряд ли придет на помощь отцу. Хоть любезен при встрече? – и то хлеб. Целую тебя, милая. Как всегда, тороплюсь, но писать буду. Напиши, если Андрей что-нибудь тебе напишет о Париже. Твой Сергей.

№г. 33 14 октября 1956

Дорогая Елена.

Читал твое письмо к Владимиру. Частенько бываю у него в Антибах. И он приезжал ко мне в Ниццу (где я уже около трех недель, благо солнце балует, как никогда, а я порядочно устал после сурового парижского лета, почти юез природы). Были в Кокаде, на маминной могиле... Все время думаю о ней, так и мерещится ее сгорбленная фигурка на бульваре Царевича... Но время все лечит и теперь вспоминаю примиренно. Ведь скоро и самому – пора!

Хотелось бы поскорей и к тебе проехать опять, да трудно стало, почти безвыходно с

деньгами. Иван угрозу выполнил и в этом месяце, вместо 35.000, прислал только 20.000*. А мне – 3.000 платить за одни комнаты! К счастью, с декабря перееду вероятно на житье к знакомой русской (давнишней приятельнице – А.А. ..?) в Гужеваль, где можно тратить на жизнь значительно меньше. Пока

что буду продавать книги. Ничего другого не остается. В газете при всем желании больше 7 – 8 тысяч не заработать.

Здесь, в Ницце, я останусь еще несколько дней всего, да вероятно и погода испортится... Написал несколько “ниццких“ стихотворений. Пошлю тебе, когда будут перестуканы. Попробуй достать последний номер “Граней“; мне пишут, что там хорошая рецензия на мой сборник “В лесу“. Чувствую себя не плохо, но конечно годы дают себя чувствовать. Стал нервнее и сердце бьется учащеннее... А все–таки совсем “сдаваться“ еще не собираюсь.

Щедро целую тебя. Петру и его жене передай мой дружеский привет. Если будешь писать твоему Андрею, напомни ему обо мне.

Собирается ли он в Париж.

Твой ...? Сергей

* В виду того, что я не порвал своих отношений с Сергеем. Какая наглость ставить мне эти условия!

№г. 34 25 декабря 1956

Дорогая Еленушка.

С Новым Годом! Последнее твое письмо было не слишком радостное, что благодаря твоим сыновьям ты не признаешь себя одной, брошенной самыми близкими, – чем? же ближе, чем дети? А вот я в эту зиму больше, чем когда–нибудь, ощущаю внимание к себе посторонних (между которыми и старые друзья), зато со стороны сыновей и дочери un abandon complet. Люсю видел за все месяцы два раза (завтракал у нее), абсолютно никакого участия не принимал в ее семейной жизни (словно она “стыдится“ моей беженской бедности; по–парижски – e’est conrant?). Сергей вовсе засох в денежных и картинных комбинациях и подпадает все больше под башмак своей жи–жи, которой на всех нас, Маковских, наплевать. Меня изредка позовет ...? в узко–семейной обстановке, с Люсей она совсем не встречается. Об Иване с женой и говорить нечего. Я не видел даже Ивана вот уж больше трех месяцев, после того, как он сократил свое ...? вовсе, потому что я, ..?, не согласился порвать с Сергеем.* Эта невероятная глупость и озлобленность положительно указывает на его усиливающуюся ненормальность. Mfis

patcons! Хуже то, что несомненно старею, не столько физически, сколько морально: Плохим стал человеческий мир вообще и кончится плохо. Все–таки работаю. Приходится – до усталости, чтоюы как–нибудь сводить концы с концами. Если попадется N 31 “Граней“, прочти мою статью о Стелецком. В следующем N 32 будут и последние стихи .

Чтобы как–нибудь выпутаться из долгов взялся за хорошо оплачиваемый перевод на русский с французского. Утомительная работа! ...? В последние годы жизни хотелось бы написать еще что–нибудь от души. Целую тебя. И Петра, и все, кто с тобой близко.

Твой брат Сергей.

*Изд–во Франкфурт на Майне

Marianstr. 24–a

ХТеперь стал брать у него 10.000 ежемесячно. Но что это, когда комнаты стоят 30.000!

№. 35 16 сентября 1957

Дорогая моя Елена.

Как обидно! Попал в Германию, – выписали меня во Франкфурт и Мюнхен читать лекцию о Гумилеве. Еду обратно 21 сент. Все на “казенный счет“! Но на поездку в Гамбург (отсюда – ближний свет!) своих не хватило бы. Очень я обеднел. Зато внимания к себе вижу много. Здесь совсем чужие забаловали! И 8–й сборник стихов мой издан будет. Узнал много нового о России. Целую нежно

Твой Сергей

№г. 36 25 сентября 1957

Дорогая моя Елена.

Безконечно тронуло меня твое желание меня видеть (в связи с моей поездкой в Германию) и присланные тобой 60 марок (через ..?) на дорогу... Но получил я их в день отъезда из Мюнхена, когда уж и обратный билет был взят во Франкфурт и Париж. Но главное – порядком устал я после десяти дней переездов и новых встреч с русскими. До сих пор не могу очухаться... Но, слава богу, не захворал и моральное удовлетворение получил большое. Совсем забаловали меня, особенно – после лекций о Гумилеве и разговоров по радио с ... Россией! Странное было чувство – обращаться “в пространство” к каким-то неведомым соотечественникам и говорить им о поэзии в эмиграции и в Париже.* Если мне пришлют какой-нибудь текст этой “американской” передачи, непременно пошлю тебе. А пока что – в очередном номере “Посева” напечатается очень лестная для меня статья обо мне. Оказывается, всех нас, Маковских, очень помнят в сов. России и высоко ценят. Никогда еще так не почувствовал я, что работал всю жизнь не даром. Не ждал! Поехал исключительно для того, чтобы отблагодарить за издание моего восьмого сборника стихов (“Еще страница” – выйдет в свет через месяц, приблизительно) и приработать немного на “сведение концов с концами”. В Париже с каждым днем все дороже и дороже, даже разговоры по телефону удвоились в цене. А гонорары скорее уменьшились. Но с октября начну читать публичные доклады... если бог даст сил. Но сыновей и дочь – надежд никаких. Даже по телефону не звонили вот уже три месяца ни Иван, ни Люся (не знаю даже точно – где они). Сергея буду видеть, по прежнему два – три раза в месяц, вероятно. На лето – ничего не получил. И все-таки не унываю, есть кое-какие денежные перспективы... Первое, следующее мое путешествие будет к тебе в Гамбург (из Парижа не дольше, чем из Мюнхена). Спятил на этот случай твои 60 м. (в неприкосновенный капитал). Мое восьмидесятилетие все-же принесло мне кое-какой барыш. Да сил не бог весть сколько осталось! И все-таки не жалею. Скольким в мои годы куда хуже живется. Целую нежно. Напиши; немедленно вышлю тебе обратно 60м. , если тебе в обрез. Потому что приехать я мог бы не

раньше Рождества, когда сдам в из-во, на просмотр мой второй том “Портретов современников“.

Твой брат Сергей

*Всех нас упомянул и тебя, художницу и твоих сыновей Петра и Диму (художника).

№г. 37 31 Января 1958

Пишу в редакцию газеты, авось дойдет. Надеюсь. Извените меня редактор, за беспокойство.

Bolzano

Дорогой Сергей Константинович.

Ну, погудайте, кто Вам пишет! Может быть в конце концов и вспомните.

Я – Мария Петровна Паренсова, двоюродная сестра Сережи Дягилева и Димы Философова. Моя мать – Юлия Павловна (как и Ваша) урожденная Дягилева. Наши семьи были всегда в самых дружесвенных отношениях. Я с детства восхищалась красотой Вашей мамы (до чего была хороша!) и отца Вашего помню. Его могила через дорожку от моего папы через дорожку от моего папы в лавре. Осталось ли что–нибудь? И лично я знала – Лукш–Маковская. Я ее встретила за несколько лет до революции на ...? вечере у моих друзей Мих. Ивановича и Софьи Михайловны Ростовцевых. Мы очень обрадовались и у меня даже было извещение о рождении ее сына, с орнаментом из биберончиков. А ужасно давно, еще маленькими, нам было лет 10–11, мы все встретились в Париже. Мы там довольно долго жили из-за болезни отца, а вы все приехали. Вот как звали Вашего маленького брата – ..? кажется? Мы бегали в Chamfs – Elisie? , там тогда еще были “voiture aux chivres“ “Gui gnof“ и чудесные sucre d’urges, который мы с наслаждением сосали. Я уже взрослой несколько раз была в Париже. Я очень его любила и всегда все это вспоминала. – В Петербурге помню чудесную, великолепную “Ваххаманиго“?? у Юлии Павловны. У нее же в первый раз услышали мы только что входивший в моду балалаешный оркестр Андреева (...? Андреевой). Тогда Лиля еще не была замужем. Уже при большевиках я несколько раз была у Екатерины Павловны в “Доме ученых“, кот. они

устроили во дворце Владимира Алекс. вход с ...? с другой вашей тетей забыла ее имя. Ну, покончила с “архиологией” теперь “medio evo“: “Аполлон“, “Мир искусства“ (Фонтанка 11), выставки... Знакомство, дружба с некоторыми художниками: Бенуа, Сомов, Головин, Серов. Безконечно огорчена смертью Добужинского. Я хорошо их знала. Как скоро прошла наша жизнь и как хороша была наша молодость! С интересом всегда читаю Ваши статьи. (Я не имею возможности выписывать “русскую Мысль“. Живу очень скромно, мне ее присылает одна знакомая из Бельгии, с опозданием, конечно). Но подвигнуло меня написать Вам “Религиозно философ. Собрания“. Я сама не была на них, но ужасно увлекаюсь ими и много знала их участников: Мережковских, Розанов, а главное о них рассказывала тетя Леля (Елена Валер. Дягилева) и иногда Дима Философов и наш общий родственник оригинальнейший “Протей к инерий. Восхищалась рассказами о “Териавцеве. И Леонида Семенова знала: его как-то привезли к нам Мережковские. Прелестные его стихи, многие из них помню. Еще в Петербурге мне сказали, что он сделался священником и его расстреляли, правда ли это? Как все ужасно сложилось на нашей бесподобной Родине! Прочитала о вашем юбилее: поздравляю и желаю всего лучшего, что может еще быть на нашей сумасшедшей земле. Если это письмо дойдет до Вас и если Вы мне ответите, я еще кое-что напишу, как я очутилась здесь, у полу-родственников итальянцев. Не хочу говорить “старось“ скажем наши именно “средние века“ имеют свои прерогативы, поэтому я крепко, сердечно Вас обнимаю. Храни Вас Царица Небесная и все добрые святые, Я еще ничего себе, кроме очень слабого зрения – скверно пишу, пропускаю буквы...

Душою Ваша М. Паренсова

..? Orazio 16–III

presso Carbone Bolano

Italia Asto Adige

К счастью с детства хорошо говорю по итальянски.

№. 38 10 февраля 1958

Дорогая Елена.

Пересылаю тебе очень милое письмо полученное мной от Марины Петровны Паренсовой.? Ты, наверно, лучше помнишь ее, чем я (т.к. у меня сохранился в памяти только ее парижский образ, подростка, как-будто – 1889 году). Я ей коротко ответил, но думаю, что ей доставит большую радость твое письмо... Я по-прежнему бесконечно занят. Только что сдал на прочтение в “..?” мой второй том “Портретов современников“, но мало надежд, что напечатают, средства очень ограниченные. Посылаю тебе и те мои статьи о Зе..? ..? собраний, о которых вспоминает Паренцова. Поцелуй от меня Петра. Напишу скоро по-больше обо всех нас, Маковских.

Целую нежно твой брат Сергей

№. 39 23 июля 1958

Дорогая моя Елена.

Все еще сижу я в Париже. И тревожно, и холодно, и денег в обрез. К тому ж и корректуры моей статьи о Владимире Соловьеве не отпускают. Если самому в типографии не проверить отпечаток, бог знает какую ерунду напечатает “Русская Мысль“ – сплошные опечатки! Выйдет эта статья 3 или 4-мя фельетонами (двойными). Начнет появляться только с 29го июля (вторник) и кончится не ранее 2-го или 4-го августа. Пошлю тебе непременно эти фельетоны. О Вл. Соловьеве ты прочтешь в них нечто для, вероятно, новое. Я исследовал эту тему вдоль и поперек. Собираюсь еще написать дополнительный фельетон – о книге “Третий завет“ полоумной А.В. Шмидт, погода немного. Книгу эту, большую редкость за границей, я только недавно достал. Что касается моего 2-го тома “Портретов современников“, то дело на точке замерзания. В принципе наше из-во Imica /? согласно издать, да нет еще нужных средств. Ведь такая книга (в 420 стр.) обойдется около миллиона франков, при малой надежде вернуть от продажи какую-нибудь треть затраченной суммы... Все же я не теряю надежды. Уповаю на счастливую звезду.

Во всяком случае, в начале августа я буду свободен и тысяч 30 фр. к этому времени накоплю. Так вот очень захотелось мне опять проведать тебя в Гамбурге! Отдохнуть душой и от здешних политических треволнений, и от моих семейных междоусобиц. Все дети друг с другом враждуют, да и ко мне отношение очень “так себе“. Ничего общего между нами.

Слава богу есть у меня друзья. Но все стары стали. Кто оглох, кто ослеп, кто охромел. Словом – положительно не с кем время коротать, отдыхая от трудов праведных... Напиши мне, за сколько в день я мог бы нанять комнату поблизости от тебя в гостинице (самой скромной). Благо виза больше не нужна русским беженцам – сел в поезд и приехал. Подышу немецким воздухом и – с тобой – старо–петербургским; все расскажу тебе, что знаю о России, (и тебя послушаю) и – обратно. Будущая зима будет не легкой. Все здесь как–то разваливается. Здоровье мое – ничего, но нервничаю и мало верю в лучшее будущее.

Так вот, буду ждать ответа. Поцелуй моих племянников и поклонись общим друзьям.

№г. 40 10 августа 1958

Дорогая Елена.

Спасибо за очень милое твое приглашение! Теперь уж почти наверное могу сказать, когда соберусь к тебе: 19 или 20 числа (в сентябре), побывав раньше в Мюнхене и Франкфурте (чтобы не колесить зря по Германии). А до Франкфурта (на “съезд“ от 16–18–го – включительно) я, должно быть, попаду на недельку в Швейцарию к моему другу Форштеттеру. Полагаю, что в этом году, вследствие запоздалого лета (в Париже – сплошные дожди и не тепло, с пальто не расстаюсь почти) конец сентября и в Гамбурге выдастся солнечный. Но, конечно, напишу тебе точно, когда приеду. В общем я пока и не знаю наверное, как у меня устроится с деньгами. Сейчас у моих квартирных хозяев – “кризис“ квартирный. Они судятся с домонанимателем, и мое присутствие может оказаться необходимым. Не говоря уж о постоянной денежной моей помощи... Но с осени дела их, хозяев, должны поправиться, и процесс с жуликом, сдающим втридорога

квартиры нашего дома на rue de Telsitt мы непременно выиграем. Зимой будет всем гораздо легче. После процесса я собираюсь и к Владимиру в Антибы.

Целую тебя, милая! Интересует меня твое мнение о моей Соловьевской статье!

Твой любящий брат Сергей.

№. 41 28 август 1958

Дорогая Елена.

“Человек предполагает, а бог располагает“... Вместо осеннего “отпуска“ я пролежал десять дней в клинике, где меня спешно оперировали от гнилостного аппендицита. Операция сошла вполне благополучно, но... попал я (долго – только со вчерашнего дня) в ужасающие материальные обстоятельства. Старший сынок мой Иван превзошел себя в безобразном отношении к болезни моей, не требовавший немедленного хирургического вмешательства. Если бы не моя энергия и привычка не рассчитывать ни на чью помощь, погиб бы за милую душу! Бог спас – воистину. Аппендицит – операция, при здоровом сердце, сравнительно легкая (у детей – совсем пустяшная), но оказалось, что уже давно накопился яд и попади я в клинику днем позже, –заявили мне врачи и замечательный оператор, которого случайно послала мне судьба в “последнюю минуту“, – случился бы неизбежно перитонит и... до свидания в мои 81 год –, все переносится в десять раз труднее в эти годы. Иван отказался взять на себя какие бы то ни было расходы в связи с моим заболеванием. Отвез меня в клинику (“через силу“) и сбросил не заплатив не сантимата. После операции приехал с женой (с которой враждует пуще прежнего) и сказал, что уезжает на неделю на юг, только, вероятно, чтобы избавиться от каких–то ни было забот обо мне. Мне пришлось, чуть не с руганью, заставить его (в присутствии нескольких моих посетителей) выдать хотя бы полагающиеся мне 50.000 Фр. на четыре дня вперед (27–го 8. вместо 4 сент.), чтобы иметь возможность рассчитаться за комнату в клинике и уход. Оператору я остался должен (60.000) к моему стыду. Кроме что взял в долг еще 50.000 на жизнь во время поправки. К

счастью, Сергей, узнав обо всем, телефонировал из Австрии, что по возвращению в Париж, 15 сентября, мне поможет. Беда в том, что сейчас почти никого в Париже нет – до октября приблизительно. Обратиться не к кому. Люсе самой очень плохо, она на кануне полного расплёва с мужем (на меня давно махнула рукой, и это менее всего меня трогает)... Наконец, очень расстроены дела тех евреев, у которых я нанимаю комнаты, – у них процесс с хозяином, который мечтает их выставить (вместе со мной, конечно); это тоже решится в конце наступающего месяца.

Вот без всяких прекрас картина теперешнего моего “бытия“! Но я не унываю, уповаю на судьбу, всегда спасавшую меня “у бездны на краю“. Не унываю тем более, что духовная моя жизнь все обогащается, и как только немного оправлюсь от лежачего положения, примусь оперативно за работу, а – следовательно – и кое-какие деньги будут на скромное питание. Все надеюсь на выход в свет второго тома “Портретов современников“ (в издательстве I/Unica?). Книга почти принята, но... опять денежный вопрос! Если бы я мог внести какие-нибудь 100.000 фр., т.е. 5.000? гер. марок), купив сто экземпляров отпечатанной книги, то дело было бы “в шляпе“! Иначе говоря: я должен достать ко времени окончания печатания – 250 долларов для передачи типографщику (моему хорошему знакомому), и это дало бы мне возможность завершить мои литературно-художественные “мемуары“ и оставить будущей России некий некрополь живых образов. Книга безусловно пойдет *a la longue*? сбыт и в эмиграции. Первый том (Чеховского издательства, более не существующего) почти совсем распродан. Об издании второго тома и вопроса не возникло бы, если бы не невероятная бедность всех русских предприятий, даже тех, что субсидируются американцами. Времена настали жесткие!

Пишу тебе так все подробно, чтобы попытаться: не снабдит ли меня в долг этими 250 долларами твой Андрей (хоть он и не подавал “знака жизни“ после своего приезда в Париж). Мне показалось, что он отнесся ко мне с симпатией и культурным пониманием и ему не безразлична судьба моих писаний, которые когда-нибудь (может быть, и довольно скоро) найдут подобающую оценку и в России.

Напиши мне, с полной откровенностью твои сообщения по этому поводу.

Целую нежно. Не тревожся обо мне. Все устроится – предчувствую.

Твой брат Сергей.

№г. 42 4 сентября 1958

Дорогая моя Елена.

Человек делается сентиментальным к старости, особенно – когда пролетит, задев его крылом, ангел смерти... Веришь ли, я не мог удержаться от слез, прочтя твое длинное и интересное письмо с такой лаской ко мне, от которой я давно отвык... Вот опять не удалось мне навестить к тебе в Гамбург. Так ослабел, что едва волоку ноги и от всего физического устаю безмерно. Доктор говорит, что нужно еще месяца два для окончательной поправки.

Но я не жалуясь, т. к., кроме слабости, чувствую себя помолодевшим – и ем с аппетитом, и сплю хорошо, и всякие недомогания пропали. А голова продолжает работать. Сейчас уже пишу ответ на фельетон, вызванный моим “Соловьевым” (отвечать легко – оппонент мой не слешком умен. Пошлю тебе в субботу.

“Дома”, т.е. на Тильзити за мной хороший уход со мной нянчатся мои хозяйева, и я уж

могу ходить без палки по улицам. /...?/ В конце октября начнутся литер. вечера (или ..?) с иностранцами, и скоро я к ним буду готовиться.

Что касается собственных детей, то Иван (и его супруга) ни разу, с тех пор как оперировали меня, даже по телефону не сприли как со мной. И денег – ни сантима. Приходится ..? и понемногу занимать на лекарства у ближайших друзей. Твои сто марок (которые конечно тебе отдам при первой возможности еще в 1958 году) придется как нельзя ..? кстати. Сергей опять написал (поздравил с 15/28 августа), но “не догадался” приготовить хоть какой–нибудь билет казначейств. (Мне известно, что проживает он в Nörther—? не менее 10.000 фр. в день, сам он говорил).

Вернется не раньше 15 сентября. Вот когда можно сказать: “Не имей сто рублей, и добавлю, сто детей, а имей сто друзей“... Перспектива на мои литературные выступления – неплохие. В конце концов все мои недоброжелатели поджали хвосты. Никогда еще не получал таких ..? писем. На счет 2–го тома “Портретов современников” я ..? напишу. Для чего, думается мне эти 250\$ будут только отложенными деньгами: они не могут

так или иначе не вернуться. Из этих 100 экз. по 1.000 франков я уже ...? 10 ..? (разумеется, денег брать не имел права, пока книга не издана). Но этот вопрос не так и к спеху.

Все очень умно, что ты пишешь о новом язычестве и в Германии, да и во всем влюбленном в спорт мире. Но это, на мой взгляд, отнюдь не доказывает какое-то новое возрождение человека. Во всем этом упадке – морального и умственного, и художественного, – наблюдалось это увлечение телом: Греция, Рим, Византия. Оно приводило к духовному кружению в безбожном ..? Плохо кончится и наша европейская цивилизация, в том числе и российский ее придаток. ..? я согласен с пророчествами Владимира Соловьева...

Жалею Петра, так неудачно женившегося. А все-таки могло быть еще хуже. У Ивана с женой хуже, гораздо хуже и может кончиться трагически. Эта его Helene оказалась совсем не тем, что я предполагал (по моей наивности!). Развернулась и показывает себя во всю. Повторяю, мне жаль беспутного Ивана. Конечно, сам виноват, но от этого не терпимее эта вульгарная “француженка“ с обостренными половыми требованиями и полтым отсутствием каких бы то ни было интересов, кроме – ...?

Целую тебя. Жди посылок от меня. Все-таки, – как знать? – может быть до 59 года и свидимся.

Твой нежно любящий брат Сергей.

№г. 43 25 сентября 1958

Дорогая Еленушка.

Посылаю тебе последний мой фельетон в связи с тремя предыдущими, – о Вл. Соловьеве, – о никому почти не известной А.?. Шмидт. Эта – поправка к моим статьям; меня сбил С.Н. Булганов? сам издавший письма Соловьева и не “заметивший“ их смысла. Статья эта написана уже после операции. Следовательно – /..?/ Я медленно, но совсем прихожу в норму. Очень дела много, т.к. Иван по-прежнему заикнулся? и замолк... А Сергея только сегодня увижу (он вчера вернулся в Париж). Но все ж уповаю, что уладится все... кроме моего отношения к Ивану... Марина говорит, что он совсем с ума

спятил, дерется с женой и от “безделья“ только что купил себе лошадь и шарабан и целыми днями катается по лесу.

Целую, милая. Скоро еще обо всем напишу.

Твой нежный Сергей

№. 44 11 февраля 1959

Дорогая моя Елена.

Отвечаю на твое письмо (с упоминанием о твоём 80-летним юбилее,— прости, конечно пропустил по рассеяности, поздравляю задним числом!) — кратко, ибо никогда еще, кажется, не был так житейским занят. Меняю место жительства! Мои хозяева, евреи, выселяются (за неаккуратный взнос квартирной платы), и я выбрасываюсь вместе с ними. Ты представляешь себе, что значит уложиться для переезда со всем скорбом, которым оброс за много лет! Пришлось все делать своими руками: — укладывать все книги — более тысячи, разобраться в бумагах и рукописях без чьей-нибудь помощи. Заботливые сыновья мои ни франка не прибавили даже на этот довольно спешный период... А тут еще все время хвораю после последнего гриппа, которым решительно все больны в Париже, в эту ужасающую холодно-ветреную и дождливую зиму.

Слава богу как-будто справился. Через 6–7 дней буду уже спать на новом месте: 17, rue de l’Arc de Triomphe (chez mna? S. Konkonchine). Новая хозяйка симпатична, меня “почитает“, ты наверно помнишь ее: она владела с мужем (покойным) рестораном “Praga“, где мы все частенько завтракали.

Пользуюсь случаем, посылаю тебе почтой фотографии с твоей выставки (которые ты давно просила выслать обратно), заодно №. журнальчика “Вестник“ (с моей очередной статьей о Пушкине) и мой фельетон о К.К. Случевском. На днях я устраивал лекцию ? о нем Мейера (прошла успешно, будет напечатана * — в “Гранях“, вышлю тебе непременно). Все еще надеюсь на издание моего II-го тома “Портретов современников“, т.к. мне обещена на это дело субсидия от управления в Канзасе.

Непременно постараюсь добыть портреты Юрия и Маруси Чайковых для тебя.

Целую. Правда ли, что Петр собирается в Париж на побывку?

Буду скоро писать еще и не так “на курьерских”.

Целую нежно

Твой брат Сергей

*Напиши, какие NN “Граней” у тебя есть.

№г. 45 16 мая 1959

Дорогая Елена моя.

Пишу, чтобы сказать, что видел несколько раз твоего Петра. Показался он мне еще милее и добрее, чем прежде. Был конечно изумлен сложившимися у парижских Маковских семейными отношениями... Расскажет тебе. Но с ним все в отдельности были ласковы, как будто. Не удалось ему только, кажется, посетить имении Ивана в St Seger: там – настоящий супружеский ад. Нечего говорить, что и я туда не поеду. Но не слишком жалею об этом. С наступлением весны и в Париже хорошо, и друзья кругом. Меня балуют вниманием. Здоровье мое по-немногу восстанавливается и я начинаю догонять потерянное для работы время. К тебе, в Гамбург, собираюсь по-прежнему, но буду ждать, когда установится лето, и хоть как-нибудь выясняться европейские политические обстоятельства. Я очень всем встревожен, не вижу замирения, предчувствую расплату за глупость и грех мира.

Целую тебя нежно, буду писать.

Твой сердечно любящий брат Сергей

P.S. Я поручу Пете послать мне твои лекарства для желудка – напомни!

P.S. Не помню – послал ли я тебе русскую статью о России А.А. Трубникова.

Пошлю

№г. 46 1 июля 1959

Дорогая моя Елена.

Целую тебя за милое приглашение к 15 этого месяца (сегодня уже 1-е июля!) в Гамбург, хоть и с оговоркой об “опасной“ жаре, вдруг наступившей в городе... Увы, и на этот раз мое желание вряд ли может исполниться, во всяком случае – не к 15 июля. Причины для меня – серьезные. Во-первых – недоразумения с моей квартирной хозяйкой, оказавшейся отменной дрянью. Всячески “ублажала“ меня вареньем да булочками, а сама задумала от меня избавиться, – вероятно, нашелся покупатель на квартиру (в Париже какой-то сумасшедший ажиотаж с жилыми помещениями). Я боюсь уехать, пока она не уехала лечиться куда-то. Квартиру запрет– наглухо и ключей не оставит. Что я буду делать тогда? Ищи с нее судом! Но тяжба может затянуться на месяцы и больше. Доказывай свое право, с французскими, покупными адвокатами! Словом, если бы я мог и уехать, то не раньше августа, как-будто. А до того могу накоротке съездить к Ивану. Кстати, он со мною, с некоторых пор, стал гораздо мягче. Пригласил по моей просьбе, на поправку (бедная, совсем подмирать? стала, заброшенная дочерью!), Н.Я. Усольцеву с ее Дашей. С конца июля. Таким образом, и я не окажусь на en tete a tete с Мариной (хоть мы и не в соре), всегда ненормально злобствующей, когда наведуся и я в St Seger в отсутствие Ивана. Н.Я. не поехала бы, если бы я не мог попасть в St Seger! Как-будто в августе – не знаю. Все зависит от решения проблемы с тою же ыщуй хозяйшкой. Нелгко будет опять переезжать, а придется! Невыносимы недобросовестные придирки полусумасшедшей бабищи... Понемногу совсем выправляюсь, как-будто. Начал опять писать, готовлю целый ряд лекций о Гоголя. О нем многие судят криво, у меня свой взгляд. (с признанием его литерат. гения, и, однако без безусловных восторгов, как принято со школьной скамьи)

Скоро опять напишу тебе. Буду держать “в курсе“ всего. Спасибо за лекарство, оно замечательно!

Твой нежно любящий брат Сергей.

№. 47 30 декабря 1959

Дорогая Елена.

В дополнение к тому, что я писал тебе в прошлом письме о моей переписке с “Рус. Музеем“, посылаю тебе копию письма, полученного мной от директора (?) музея Савинова. Я получил и книги (об иконах и Петербурге). Одну из них – пошлю тебе. А ты сама отзовись на письмо ко мне Гавриловой. Ей можно верить. Материал, использовав в биографии К.Е., она пришлет обратно. Я посылаю ей все, что у меня под рукой. Ведь это единственный случай увековечить иллюстрированной книгой творчество отца! С Новым годом! Думаю о тебе постоянно. Окончательно решил, если буду жив, приехать в Гамбург весной (в мае – июне). М.б. тогда уже выяснится вопрос и с издательством моего 2-го тома “Портретов современников“. Только бы не изменили силы. И ты береги себя, не расстраивай себя зря твоим недорослям. Он все-таки много лучше – и честнее, и умнее очень многих “нового“ поколения.

Целую нежно твой Сергей

№. 48 10 января 1960

Дорогая Елена.

Опять о моей переписке по поводу монографии об отце (в Ленинграде). Получил перестуканным письмо Гавриловой, о кот. тебе писал. Присоединяю его. Напиши по этому поводу твои соображения! Когда я получу от нее ответ на посланную ей мою книжку “Портреты современников“, я рискну отправить в Русский Музей и те фотографии с некоторых отцовских картин (кот. отчасти имею от тебя) и несколько фотографий наших семейных (сначала запросив, нужны ли). Ты пока не пиши Гавриловой сама, чтобы не вышло никакого “разнобоя“ с моими письмами к ней (а м.б. и ей менее “удобны“ письма из Германии), но впоследствии, конечно, место в монографии об отце должно найтись тебе, художнице и твоим воспоминаниям.

Я продолжаю получать прекрасные книги не только от Гавриловой, но и от Савинова (кто он? Директор б. Музея Алексея Ш.-го, теперь “Русского гос. Музея“ в Ленинграде? Ты получила от меня “Древнюю живопись из Третьяков. галереи“? Прислал еще Савинов своего “Венецианов“? (прекрасное издание in folio с многими иллюст. и 120 стр. текста! – Серьезнейший труд!) Также – три выпуска “Сообщений гос. Рус. Музея“; всех – XVI., как-будто: один с портретом Остроумова на обложке.

В Париже настали холода. Я пока высиживаю дома. А как в Гамбурге? Целую

Твой брат Сергей

P.S. С русским Новым Годом!

№г. 49 8 апреля 1960

Дорогая моя Елена.

Прежде всего – от всего сердца спасибо за твое длинное письмо, на которое отвечаю с малым опозданием (все хворая на Мартовском ветру и очень много работая, чтобы сводить концы с концами). Посылаю тебе мою последнюю статью в “Русской Мысли“, думаю, что ты с моей оценкой “абстрактного“ искусства соглашаешься! Положи ее Петру. Мне кажется, что я сужу объективно, поскольку ...? современных художественных “исканий“... Здоровью моему сейчас немного лучше, но все же, вряд ли могу куда-нибудь ехать читать лекции “за границу“. Да и хозяйка моей квартиры меня всеми силами выживает из занимаемых мною комнат, т.к. хочет квартиру обменять на другую, поменьше и дешевле... Это ее право. Вероятно еще в мае перееду куда-нибудь. Это будет не так трудно, потому что Иван обещал мне приютить у себя в St Séger мои книжки. Ну, а меня кто-нибудь весною согласится взять к себе. Надеюсь опять “подвезет“... Очень мечтал бы, перевозя книги к Ивану, приехать на месяц в Гамбург... Но, судя по твоему письму, не особенно-то тебя это “устроит“, в виду забот о внуках... Напиши откровенно. К К первому – десятку июня могли бы свидеться, если я опять не расклеюсь...

Писала ли тебе Гаврилова из Ленинграда? Я посылал ей на днях ряд фотографий (семейных портретов и с картин) для ее монографии об отце нашем. Авось что-нибудь получится. Она, во всяком случае, женщина честная, и посланное ей не пропадет. Не помню, писал ли я тебе, что твой портрет с меня (29-летнего) попал в Рус. Музей “Ленинграда“ (наз Гос. Рос. Музей) на почетное место! Пересниму и пошлю тебе непременно оттиск.

Поцелуй от меня сыновей твоих и внуков

Твой любящий Брат Сергей

(Serge Makovsky 17, rue d'Ark de Triumphe, Paris XVII)

№. 50 22 апреля 1960

Ленинград

Многоуважаемый Серей Крнстантинович!

Прошу посчитать в некоторое извенение моего долгого молчания не только мою истерическую занятость различными опаздывающими рукописями, но прежде всего – мое желание найти для Вас книги, интересующие Вас. К великому сожалению “книги отражений“, встречавшиеся довольно часто лет десят назад, совершенно исчезли из букинистических магазинов. Несколько раз мне обещали “попробовать поискать“, но дело кончалось разочарованием. Так было и здесь и в Москве. Но может еще найдутся!

Евгения Ивановна сообщила мне о Вашем желании иметь “Певую пристань“ гр. В. Комаровского. Книга тоже редчайшая, но предпринимаю некоторые разыскания в кругах любителей поэзии и питаю надежду, хоть и слабоватенькую, что книга может встретиться.

Тем временем я отправил Вам книгу воспоминаний М.В. Нестерова. Надеюсь она будет Вам интересна. В книгу же я вложил одну фотографию – рисунок А.Н. Бенуа, изображающий Ин. Ф. Анненского в 1909 году. Сейчас собираюсь отправить Вам еще одну бандероль.

Вырезок из газет с рецензиями на книги издаваемые у нас, пока еще, сколько знаю, получено не было. А очень было бы интересно и поучительно их прочесть.

Неожиданно у нас оказались “общие знакомые“, –молодые англичанки Камилла Грэй и Аврил Райман. Грэй приезжала сюда собирать материалы для книги о тех русских художников, которые не пользуются большими симпатиями ни Вашими, ни моими, Райман же занимается в Университете и я видывал ее как в Русском музее, так и в Пушкинском доме, а теперь потерял ее из виду, т.к. Она уехала заниматься в Москву. (но должна скоро вернуться)

Приходилось ли Вам читать поэму М.А. Кузмина – “Форель“? она была написана еще в конце 20-х годов.

В ближайшие дни узнаю в Пушкинском доме, нет ли каких материалов о В. Комаровском.

Шлю Вам пожелания всего доброго

Искренне уважающий Вас А. Савинов

P.S. Хорошо, что конверт еще не был закрыт: только что получил Ваше письмо. Буду с нетерпением ждать вырезку – рецензию в следующем Вашем письме. Благодарю Вас от души. А.С.

№г. 51 13 июня 1960

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Константинович.

Не так давно узнал (от А. Т. Элькан) что в одну из суббот состоялся Ваш доклад на ав. Nokio.

Я очень огорчился, что мне не пришлось Вас послушать: – никто из моих друзей (из поэтов и журналистов) не уведомил меня об этом. Кой-кого я упрекнул за это, но упреками не возвратишь потерянного. Только Вы могли бы мне это “возвратить“, хотя бы отчасти, пересказав вкратце, при встрече Ваши изложение в тот вечер. Не знаю – где Вы, что с вами, как здоровье? Мне сказали, что Вы покинули Вашу прежнюю квартиру, а потому пишу Вам на Hotel Napoleon. Не знаю так же покинете ли Вы Париж на летние время, и если уедите на долго ли?

До 16-го июля я, думаю пробуду в Париже безотлучно. Потом уезжаю (как каждый год) на месяц в Лондон и в сентябре, возможно, проведу неделю – десять дней на юге Франции. Если в ближайшее время (до 16го июля) или во 2ой половине августа Вы будите в Париже, очень бы хотелось с Вами повидаться и сделать tour d’Horizon. Нечего говорить как я был бы рад принять Вас у себя (тел.ВЛО ?1121) ...? в любом для Вас удобном месте. Желаю Вам вдохновения и благодати духу Вашему. Да хранит Вас Бог. Уважающий????

№г. 52 20 августа 1960

Дорогая моя Елена.

Как давно опять без вестей от тебя! Надеюсь, что у тебя все благополучно... Говорю сейчас ..? здоровье совсем неплохо, после довольно трудной зимы (главным образом, из-за оказавшейся невероятно глупой мешанки-..? Кукушиной, на rue d ..? de Triumphe) с началом тепла я воспрянул. Но жизнь моя сложилась невероятно путанно. Опять пришлось переезжать (со всеми книгами и рукописями!) на другую квартиру. Решил временно воспользоваться гостеприимством Н.Я. Усольцевой. Но она уже с зимы очень нездорова, вот-вот Богу душу отдаст, бедная! Причём психически не совсем в порядке... Жить и работать рядом, в комнате Даши, мучительно. Главное очень жаль ее. Не будь меня, она вероятно совсем ...? бы себя брошенной всеми (главное – отвратительной своей дочерью Наташей). Стараюсь ее успокаивать... Однако, оказалось что я, по законам французов, не имею права у нее снимать у нее комнату: узнает хозяйка квартиры – ее выселят, т.к. давно добивается повода. Словом – опять приходится мне искать места где голову положить. В поместии? Ивана только мой почтовый ящик для писем.

С другой стороны, некогда еще не было столько литературной работы – на меня спрос! Появилась даже надежда на издание в Соед. Штатах моего второго тома “Портретов современников“. Печатаются и стихи. С Россией продолжается до последнего времени деятельная переписка. Почему же ты не отвечаешь мне, получила ты письма от Гавриловой (и ответила ли ей?)

Т.о. Июль и август я никуда двинуться не могу. Да и политические обстоятельства слишком тревожны... А вот с 1-го сентября – или в деревню около Парижа (Monfort...?, как в прошлом году) или к тебе, если позволишь... Очень устал я морально от всего! Как хочется интенсивно писать: мои стихи (в “Листьях“ и ...?) имеют успех. И последние – тоже. Не помню посылал ли я тебе 7 (семь из “Рус. Мысли“ фельетонов моих “о порче русского языка“? Если нет – пошлю. На прошлой неделе пять раз подряд подолгу я говорил моим “американцам“, приехавшим специально из Нью-Йорка по “магнитофону“ – для университетских архивов.

Все дети здоровы, но на меня – “с высокого дерева“. Бог с ними

(Serge Makovsky. Hotel Napoleon ..? Friedlande Paris VIII)

№. 53 20 сентября 1960

Дорогая Елена.

Совсем, было, собрался к тебе. Но “человек располагает редко“. Неожиданное обстоятельство сегодня утром. Приезжают на днях, из Америки, возможные издатели моего 2-го тома воспоминаний... Приходится отложить мой “Гамбург“ еще на неделю или даже больше. М.б. – до 1 октября. Прости! Все ли останется у тебя по прежнему, если приеду только к 1. Октября? Целую Твой Сергей.

P.S. Петру благодарность за письмо и привет.

№г. 54 20 октября 1960

Многоуважаемый Роман Борисович,

спешу ответить на ваше письмо от 16 октября... Какой Вы необыкновенно внимательный редактор (напомнили мне старые времена “Аполлона“): если вчитывается в строки поэтов и стараетесь им помочь! Я очень люблю ..? критическую помощь? и благодарю Вас за откровенность. Но в указанных Вами случаях, я никогда не могу согласиться с Вами... Конечно же – “смерчи“ (..? от “смерч“), а не от “смерчи“?! Также как большинство слов (всех не проверял) мужского рода (однокаренных слов) оканчивающихся ни шипящую согласную (в особенности) как: луч – лучи, ..?, хвощ – хвощи, “страж – стражи“, * ..? В то время, как слова женского рода на эти буквы ударяют на первом слоге во множественном числе: “речь – речи“, сечь – сечи, ..? и т.д. Почему же “не хороша“ рифма “смерч“ – “смерчи“?

Что касается “пожухлые ... лица“, ...? я вполне обдуманно поставил именно этот эпитет, хотя легко было заменить другим трехсложным. Именно “пожухлость“ придает лицам, напр., – людей, долго просидевших в тюрьме, особенный оттенок – страшноватой вялости... Но это уж дело авторского “поэтического слуха“.

Зато в посланных Вам моих стихах многое мне показалось неудачным и вот, на днях, я вновь переписал эти стихи и еще раз выправил, в том числе и “кылья“. Очень прошу Вас набрать для “Н.Ж.“ не иначе, как в этих последних вариантах. Я не думаю, чтобы в корректуре мне захотелось что-нибудь менять, – править буду только “лапсусы“.

Пользуюсь поводом и присоединяю еще несколько стихотворений, предназначенных к сборнику моему, который выйдет не ранее Мая–Апреля 1961 года. Выбирайте, что Вам больше по душе и сколько захотите (только напишите, какие выбрали)... 61 “Н.Ж.“ я еще не получил, писал Вам о стихах Фортштетера, не зная, что они пойдут без моей корректуры, впредь я буду очень настаивать на соблюдении этого обычая серьезной журналистики. (..?). Сборник Фортштетера выйдет в 1960 году (в конце года) и потому его “Россия“, к сожалению, не удастся поместить в “Н.Ж.“

Ваш искренно Вас уважающий и преданный Вам Сергей Маковский..?*..?